

61/09/

Ф
Д
Х

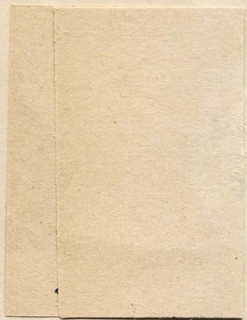
М-253

Е. М. МАРГОРИН

Илья
Будильский

МЕДГИЗ • 1948

10 11
E 10

1730

32:61
590

Е. М. МАРГОРИН

Доктор медицинских наук, доцент

61(09)

М. 253

ПРОВЕРЧО
1953

~~99815~~

Илья
Будильский

432368

~~77366~~

Под редакцией
заслуженного деятеля науки
проф. В. Н. Шевкуненко

Библиотека
с.д. 1953

~~99815~~

Государственное издательство
медицинской литературы

МЕДГИЗ

Ленинградское отделение

На дом
ис
Копируется

1948

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
От редактора	3
Введение. Краткие биографические данные . . .	7
Хирургическая и врачебная деятельность . . .	13
Анатомическая деятельность	61
Преподавание в Академии художеств	81
Руководство Петербургским инструменталь- ным заводом	94
Мировоззрение Буяльского, черты его харак- тера, отношения с Пироговым	103

Республиканская наука медицина
Институт им. П. Ф. Федорова МОЗ УРСР
ФОНД АНТИКОЛЛЕКТОРСКОГО ОБЕРИГАННЯ

НАУКОВА БИБЛІОТЕКА
ІМ. П. Ф. ФЕДОРОВА
МОН. УРСР

Редактор проф. А. Н. Максименков
Художественная и техническая редакция Л. М. Кричевская

Сдано в набор 27/II-1948 г. Подписано к печати 22/VI-1948 г
М-11278. Тираж 10 000. Формат бумаги 84×110^{1/32} Печ. лист. 7^{1/2}
Учетно-изд. лист. 7,08 Заказ 173

21 тип. им. Ивана Федорова треста «Полиграфкинг» ОГИЗа
при Совете Министров СССР. Ленинград, Звенигородская, 11.

ОТ РЕДАКТОРА

Русская хирургия прославлена многими именами. Илья Буяльский стоит у истоков ее и является одним из тех представителей XIX века, кто своим трудом и талантом прокладывал пути самостоятельного развития отечественной науки.

Однако его многогранная деятельность не получила пока должного освещения. Кроме двух небольших очерков, написанных, к тому же, в прошлом столетии (Ф. Оранский — 1865, Я. Чистович — 1876), наша литература не располагает, по существу, сколько-нибудь цельными исследованиями о выдающемся хирурге и анатоме.

Предлагаемая работа Е. М. Маргорица призвана, по возможности, восполнить этот пробел. Помимо опубликованных данных, книг и препаратов самого Буяльского, автором при ее составлении были использованы многочисленные архивные документы, большая часть которых печатается впервые. Кроме того, им обработаны рукописи, хранящиеся в музеях Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова и в Ленинградской публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

Все это, а также владение автором специальными и историческими материалами, придает настоящей книге определенный интерес, и, я надеюсь, она найдет себе читателей.

Проф. В. И. Шевкуенко

25 октября 1947 г.,
г. Ленинград

Второй раздел посвящен описанию различных видов растений, встречающихся в данной местности. Автор подробно описывает их внешний вид, место обитания и полезные свойства.

В третьем разделе описаны различные виды животных, обитающих в данной местности. Автор подробно описывает их внешний вид, место обитания и полезные свойства.

В четвертом разделе описаны различные виды насекомых, встречающихся в данной местности. Автор подробно описывает их внешний вид, место обитания и полезные свойства.

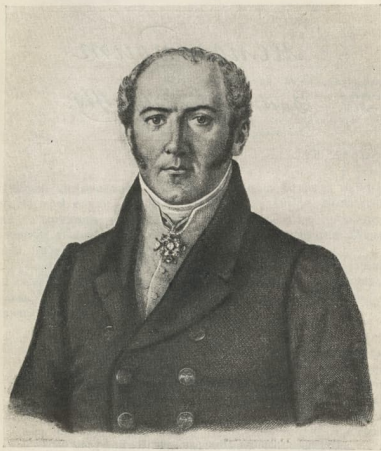
В пятом разделе описаны различные виды птиц, встречающихся в данной местности. Автор подробно описывает их внешний вид, место обитания и полезные свойства.

В шестом разделе описаны различные виды рыб, встречающихся в данной местности. Автор подробно описывает их внешний вид, место обитания и полезные свойства.

ОБЪЕДИНЕНИЕ

В седьмом разделе описаны различные виды грибов, встречающихся в данной местности. Автор подробно описывает их внешний вид, место обитания и полезные свойства.

В восьмом разделе описаны различные виды растений, встречающихся в данной местности. Автор подробно описывает их внешний вид, место обитания и полезные свойства.

Иван Суворовский.

МЕМОРАНДУМ
Doctoris E. Вульскаго.

1864 Anno.

Первая страница Меморандума И. В. Бульскаго.

«Пирогов — гений, Буяльский — исключительный талант. Пирогов начинает второй период истории русской хирургии, Буяльский блестяще кончает первый период ее развития».

(В. А. Опель)

Перед нами лежит толстая старинная тетрадь в плотном черном переплете. На первой ее странице, пожелтевшей от времени, рукой старого хирурга, уже дрожащим почерком выведены по-латыни слова: «Memorandum Doctoris E. Bujalsky, 1864 A».

Рукопись эта, хранившаяся у потомков Буяльского как семейная реликвия, не только не была нигде опубликована, но и вообще до недавнего времени оставалась неизвестной.¹

«Доктору невозможно удержать в памяти, — пишет он в предисловии, — все формулы и все пропорции лекарств, входящих в состав нескольких сот рецептов, которые он читал в разных медицинских сочинениях. Иной рецепт придется прописать в год или в два один только раз. Я где что читал и прописывал больным в течение 50-летней моей практики всегда для памяти вносил в мой Меморандум».

Все 275 листов этой рукописи, писавшейся до последних дней жизни, говорят об огромном труде, отданном изо дня в день, в продолжение полувека, страждущим людям. Человек, постоянно заботящийся о больных, не

---

¹ Меморандум И. В. Буяльского был получен мною от его внучки А. П. Левашовой-Буяльской в 1940 г. А. П. Левашова скончалась 77 лет в 1942 г. в г. Ленинграде во время блокады. (Е. М.).

знающий покоя и отдыха в продолжение всей своей деятельности, врач в подлинном и глубоком смысле этого слова, — так был оценен Буяльский его современниками, таким он смотрит на нас через потускневшие строки этой замечательной книги и таким он имеет право занять место в истории отечественной медицины.

Путь, который ему пришлось пройти, не был легок. Как видному представителю молодой русской медицинской науки, вступающей на самостоятельную дорогу развития, Буяльскому пришлось бороться против иностранных врачей, пользовавшихся в то время в стране исключительно привилегированным положением. Занимающие высокие посты и находящиеся под особым покровительством царского двора, они не только не способствовали выдвижению русских талантов, но всячески препятствовали их росту. Один из таких представителей — лейб-медик Рюль — говорил, что «пока я буду медицинским инспектором маринских учреждений, никогда не будет не только старшим врачом, но и ординатором в учреждениях под моим ведомством ни один русский врач».

Илья Васильевич Буяльский не избежал общей участи. Вражда к молодому талантливому русскому хирургу особенно обострилась после одного скандального случая с болезнью барона Кампенгаузена¹ (1824), где знания Буяльского поколебали авторитет видных петербургских хирургов-немцев (Гейрот, Энегольм, Гаугер и др.).

«С этого времени, — пишет Я. А. Чистович,² — глухая, подчас ядовитая ненависть немецких врачей преследовала Буяльского до гробовой доски. Не будь у него огромного таланта, неустанного труда и железной воли, погиб бы он не лучше несчастных профессоров Константина Щепина и Петра Погорецкого».

¹ Кампенгаузен, заместитель министра внутренних дел, сломал руку и получил крововздыание в локтевой сустав. Все врачи, кроме Буяльского, считали, что в суставе гной и предлагали сделать прокол. Буяльский был против и утверждал, что в суставе — кровь. Его не послушали и сделали операцию; гноя не оказалось, а были только кровяные сгустки. К вечеру того же дня распухла вся рука и через 9 дней барон умер.

² Русская старина, т. 15, 1876 г.

Вот почему на склоне лет, в день 50-летнего своего юбилея, Буяльский не без горечи сказал:

«Не скрою от вас, милостивые государи, что путь, пройденный мною, не всегда был ровен. Подчас и зачастую он был труден и очень тяжел, сопровождаясь физическими и нравственными невзгодами, неизбежными во всяком звании, а тем более в звании врача. Зависть, мелочной расчет самолюбия, неблагодарность и даже бессовестная клевета: вот те враги, с которыми чаще всего мне приходилось сталкиваться на пройденном мною пути». ¹

До последних дней, будучи уже 77-летним стариком, Буяльский не только вел обширную хирургическую работу, состоя консультантом больницы и ряда учебных заведений, но и не прекращал педагогической деятельности. Вынужденный рано уйти из Медико-хирургической академии, он продолжал читать лекции по анатомии в Академии художеств, и лишь болезнь прекратила любимое им дело.

Архивы этого учреждения сохранили волнующий документ его ревнистого отношения к преподавательской работе. В рапорте от 4 октября 1866 г., т. е. за два месяца перед кончиной, он писал:

«Спешу донести правлению, что я с августа месяца заболел каждодневною перемежающею лихорадкою, по причине которой я не мог продолжать лекции, а по выздоровлению оные лекции продолжаемы будут мною с должною исправностью. Профессор Буяльский». ²

Однако возобновить чтение лекций ему так и не удалось...

* * *

Илья Васильевич Буяльский родился 26 июня 1789 г. в селе Воробьевка б. Черниговской губернии, в семье местного священника, семнадцатым по счету ребенком.

¹ Военно-мед., журн., т. 91, 1864.

² Ц. Г. И. А. Л., ф. 789, оп. 14, л. 91б.

Дед и прадед его были запорожскими казаками. Отец — Василий Пименович Буяльский, женатый на урожденной Майровской, — был человеком строгого образа жизни, враг нетрезвости, и дожил до 73 лет; мать Ильи Васильевича жила до 88 лет. На восьмом году жизни Буяльского отдали учиться в Новгород-северское уездное училище, а затем в 1800 г. он перешел в Черниговскую семинарию, которую окончил по философскому курсу в 1809 г. Увлекаясь с детства рисованием, Буяльский мечтал о художественном образовании, но родительский совет решил по-иному, и вместо Академии художеств, он поступает в московское отделение Медико-хирургической академии. Через год (в 1810 г.) он переводится на 2-й курс в Петербургскую академию, где работал тогда профессором анатомии его дальний родственник П. А. Загорский,¹ оказавший потом большое влияние на судьбу молодого воспитанника. Еще на студенческой скамье Буяльский увлекается анатомией, а затем и хирургией, и часами просиживает за препаровкой и в клинике. Одаренный природным умом, любовью к исследованиям и исключительной работоспособностью, он вскоре обращает на себя внимание профессоров, и уже со 2-го курса привлекается к преподаванию анатомии и к ассистенции при операциях в хирургической клинике известного проф. И. Ф. Буша. Успехи его были настолько очевидными, что уже через год Буш доверяет ему самостоятельно делать операции.

24 июля 1814 г. Буяльский блестяще оканчивает академию со званием лекаря 1-го отделения и назначается прозектором анатомии. Ведя большую научную и преподавательскую работу как анатом, он не прекращает практическую хирургическую деятельность в клинике Буша, куда был приглашен в 1815 г. ординатором. Еще через год (1816) он получает звание медико-хирурга (за 30 им лично произведенных крупных операций). С 1817 г. Буяльский занимает должность адъюнкта при профессоре Буше, в которой состоит непрерывно в течение 5 лет, по конец 1821 г. В 1823 г. защищает диссертацию и получает степень доктора медицины и хирургии, так

¹ П. А. Загорский являлся двоюродным братом матери Буяльского.

как одновременно представляет конференции академии описание 210 им лично проделанных операций.

С этого момента известность Буяльского, как ученого и практического врача, начинает быстро расти, и биография его непрерывно обогащается новыми датами. Он последовательно избирается экстраординарным (1825),

И. В. Буяльский.

затем ординарным (1831) профессором анатомии Медико-хирургической академии, консультантом Марининской больницы (1831), оператором Царскосельского лицея (1833), главным доктором всех кадетских корпусов (1835), академиком (1842) и членом ряда отечественных и зарубежных медицинских обществ. Кроме этого, в 1829 г. он назначается управляющим Хирургическим инструменталь-

ным заводом, а с 1831 г. читает лекции по анатомии в Академии художеств.

В 1844 г. Буяльский, будучи в расцвете своих сил, вынужден был оставить по выслуге лет преподавание в Медико-хирургической академии, исполняя, однако, все остальные свои должности до конца жизни.

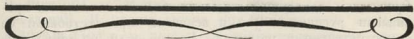
Умер Буяльский 8 декабря 1866 г. на 77-м году жизни и похоронен на большом Охтенском кладбище (12 декабря). На его могиле стоит черный скромный памятник, с такой же скромной надписью:

Доктор медицины и хирургии

*ИЛЪЯ ВАСИЛЬЕВИЧ
БУЯЛЬСКИЙ*

Родился 26 июня 1789 года,
скончался 8 декабря 1866 года

1

Прежде чем рассмотреть хирургическую деятельность Илья Буяльского, необходимо хотя бы в самых кратких словах осветить предшествующий период.

Частые войны, проводившиеся царской Россией с конца XVII века, настоятельно требовали, для обеспечения действующей армии, большого числа врачей, в особенности хирургов. Это обстоятельство наложило определенный отпечаток на всю историю отечественной медицины и способствовало быстрому развитию хирургии, которая вскоре заняла ведущее положение среди остальных дисциплин. Достаточно указать, что первая медицинская школа, призванная готовить лекарей и подлекарей, открывшаяся в Москве в 1706 г. по указу Петра I, именовалась как «Медико-хирургическая» и была организована при военном госпитале. В 1733 г. возникли еще три такие же школы: две при петербургских госпиталях и одна при Кронштадтском адмиралтейском.

Организация дела в медико-хирургических школах, находившаяся всецело во власти иностранцев, стояла не на высоком уровне. В составе ее учителей не было ни одного нашего соотечественника. Приглашенные из-за границы профессора, преимущественно немцы, с прене-

брежением относились к своим воспитанникам, не признавали русской науки и всячески препятствовали ее самостоятельному развитию. Родной язык не допускался к преподаванию, и оно велось исключительно на немецком и латинском. Собственных руководств вовсе не было. Основным пособием служили записи лекций, так называемые «лекционы», которые переписывались друг у друга и даже покупались младшими учениками у старших. Так, в инструкции профессору хирургии (1746) в обоих петербургских госпиталях д-ру Шрейберу указывалось, что «лучший способ, коим можно понять хирургию теоретическую и практическую, есть, когда профессор хирургии то, что он в своих лекциях намерен предложить, оное ж скажет для записывания и к тому употребить четверть или полчаса и потом тотчас диктованное истолкует, чем и недостаток хирургических книг и авторов дополняется».¹ Да и «лекционы» эти являлись большой редкостью. Бумаги было мало, и стояла она очень дорого.

Русские врачи-одиночки, достигшие своим трудом и талантом ученого звания и стремившиеся улучшить дело медицинского образования в нашей стране, не встречали поддержки со стороны начальства, не говоря уже о «коллегах»-иностранцах. История отечественной хирургии XVIII и XIX столетий, к несчастью, имеет много таких примеров.

Вспомним хотя бы судьбу К. И. Щепина (1728—1800). Этот выдающийся русский ученый, получивший всестороннее медицинское образование, большой опыт военной кампании и считавший «главной задачей своей жизни быть преподавателем», лишь после долгих хлопот и прошений добился, наконец (1762), назначения в Московскую медико-хирургическую школу. С самого начала пребывания в школе он весь отдался любимому делу — воспитанию нашей молодежи, первый стал вести курсы хирургии и анатомии на родном языке и настолько заботился об улучшении знаний учеников, что читал им дополнительные лекции даже по вечерам. Щепин также первый поднял свой голос против бесправного положения воспитанников

¹ Цит. по Чистовичу. «История первых медицинских школ в России», 1883.

и выступил за отмену для них унижительных телесных наказаний. В прошении на имя медицинской коллегии в апреле 1764 г. он писал: «Ученики московского госпиталя, к моему прискорбию, наказываются за шалости иной стулом с цепью, другой лозами, а иной палками» и просил далее об отмене таких наказаний и о замене их карцером «для содержания их там за вины на хлебе и воде, но давать им туда книгу, чтоб не теряли времени еще, а на лекции выпускать и из карцера, а потом опять туда запереть». ¹ Медицинская коллегия, состоящая преимущественно из иностранцев, не только ответила отказом на обращение Щепина, но и «перевела» его в петербургский госпиталь. Непрекращающиеся интриги и травля со стороны профессоров-иноземцев послужили причиной тому, что Щепин начал пить и в дальнейшем был исключен из службы с лишением права врачебной практики».

Трагическая судьба Щепина и многих других русских талантливых самородков навсегда останется свидетельством позорного прошлого царской России.

В 1755 г. в России открылось первое высшее учебное заведение — Московский университет и в составе его медицинский факультет. Но изучение хирургии проводилось здесь длительное время чисто теоретически, так как клиник еще не существовало. Спустя еще 30 лет, в 1786 г., старые школы были преобразованы в медико-хирургические училища, улучшилось преподавание, появились первые свои педагоги. Училище получило право присуждать докторскую степень, «доставляя таковым посредством природных российских докторов для занятия мест, званию их соответствующих». ¹ Однако условия для учащихся оставались попрежнему крайне тяжелыми, русских учебников не существовало. Иностранцы не хотели выпускать из своих рук медицинские учебные заведения. Больше того, стараниями лейб-хирурга Кельхена в Петербурге в 1783 г., при Калинкинской больнице, был организован так называемый «Калинкинский медико-хирургический институт», где все преподавание велось только на не-

¹ Цит. по Я. Чистовичу. «История первых медицинских школ в России», 1883.

мецком языке, и учились почти исключительно одни немцы.

В 1795 г. в нашей стране была проведена крупная реформа медицинского образования. Заботами прогрессивного общественного деятеля, главного директора медицинской коллегии А. И. Васильева, сменившего бывшего на этом посту Фитингофа, были выработаны «Предварительные постановления о должностях учащихся и учащихся», которые сыграли большую роль в подготовке отечественных научных кадров. Прежде всего, при профессорах были учреждены новые должности помощников-адъюнктов, которые замещались русскими лекарями. Многие из них в дальнейшем заняли самостоятельные кафедры и являлись выдающимися учеными (Загорский, Буш, Мухин, Сметловский и др.). Профессора обязывались теперь «знать совершенно русский язык для точного и вразумительного выражения своих на оном мыслей».

Реорганизация, начатая Васильевым, завершилась созданием в 1798 г. медико-хирургических академий (Петербургской и Московской), которые были открыты на базе прежних училищ. Преподавание хирургии к этому времени стояло уже на высоком уровне. Большое внимание, в частности, уделялось практическим занятиям, в том числе обязательному производству учениками операций на трупах. Анатомия занимала особо почетное место в подготовке хирургов, и ей отводилось очень много времени. Лекции в академиях читались преимущественно теперь на русском языке. Большинство профессоров было также русскими воспитанниками училищ, заинтересованными в развитии отечественной науки. Создавались новые кафедры и клиники. «Каждый профессор старался приискать хороший учебник по своему предмету и переводил его на русский язык. Многие профессора сами составляли учебники» (Чистович).

Итак, в начале прошлого столетия наша страна располагала уже образцовыми по тому времени высшими медицинскими заведениями, которые нисколько не уступали лучшим заграничным факультетам. Так, хирургическая клиника Петербургской медико-хирургической академии, возглавляемая Иваном Федоровичем Бушем, представляла собой подлинно передовое научное учреждение,

где производились все известные тогда исследования и операции. Достаточно просмотреть первое русское «Руководство к преподаванию хирургии», выпущенное Бушем в 1807 г., чтобы убедиться в большом разнообразии и сложности проводимых вмешательств. Особенного развития достигла хирургия сосудов, конечностей, мочевого пузыря, глазная и др. Будучи талантливым педагогом, Буш создал у нас первую хирургическую школу, из которой вышли выдающиеся представители: Гаевский, Савенко, Высоцкий и, наконец, Илья Буяльский.

Однако было бы ошибочным полагать, что отечественная хирургия освободилась тем самым от иностранной зависимости и не встречала в дальнейшем препятствий на пути своего самостоятельного развития. Напротив, ее движение вперед все время проходило в борьбе с многочисленными представителями западноевропейской медицины, наводнявшими тогда нашу страну, которые отнюдь не хотели уступать завоеванных позиций и своей роли «учителей». Занимая крупные административные должности, они всемерно тормозили продвижение русских ученых, замалчивали их открытия. Правители же царской России, не веря в творческие способности своего народа и потеряв чувство национального достоинства, преклонялись перед всем заграничным и только способствовали иностранцам поработать русскую науку. Несмотря, однако, на все препятствия, наша хирургия в XIX веке продолжала развиваться и выдвигать все новых и новых борцов за свое процветание. Илья Буяльскому среди них принадлежат огромные заслуги.

77366

~~57868~~

~~51866~~

432368

* * *

БИБЛИОТЕКА
Блонского
и т. д.

2 Илья Буяльский
Республиканская научная библиотека
МЗС УРСР
ОБЕРИГАЛКА

Республиканская
научная библиотека
МЗС УРСР
Илья Буяльский

«Санктпетербургская военно-сухопутная госпиталь» в начале XIX века, где находилась хирургическая клиника и анатомический кабинет Медико-хирургической академии.

Хирургическая деятельность И. В. Буяльского началась очень рано и продолжалась почти до последних дней его жизни. Еще на студенческой скамье, со 2-го курса, он посетил Петербургский морской госпиталь, где помогал Ф. М. Яворскому¹ в производстве операций. Однако главным его наставником и другом, направляющим первые шаги по хирургии, был известный профессор Медико-хирургической академии — Иван Федорович Буш (1771—1843). Наиболее талантливый из его учеников — Буяльский — высоко отзываясь о своем учителе:

«Этот знаменитый хирург и клиницист был поистине первым и главным моим руководителем по части оперативной хирургии. Он избрал меня к себе помощником по клинике при той строгости, серьезности и аккуратности, которыми отличались все его действия по клинике, он научил меня понимать и строго уважать то великое правило, без которого хирургия немислима, а именно: *sic, tuto et jucunde*».² И действительно, никто другой так не отвечал этим трем принципам Асклепиада (скоро, безопасно и счастливо), как Буяльский. Он владел исклю-

¹ Ф. М. Яворский был одновременно прозектором анатомии при Медико-хирургической академии, где и познакомился с молодым Буяльским. Впоследствии он не делал ни одной крупной операции в Морском госпитале без помощи Ильи Васильевича.

² Из речи Буяльского на своем юбилее. Военно-мел. журн., № 91, 1864.

чительно высокой оперативной техникой. Обширные знания по топографической анатомии, систематические, изо дня в день повторяющиеся упражнения на трупах вскоре придали его ножу ту точность и соразмерность движений, уверенность и быстроту их, что так выделяет талантливого оператора из массы хороших хирургов. Буш открыто признавал превосходство над собой своего молодого ученика и не раз говорил: «Мне бы читать хирургию, а Илье Васильевичу производить операции».

Настоящей красотой отличались операции Буяльского на сосудах. перевязка даже глубоких артерий была для него делом нескольких минут. Он первый в России, и притом два раза подряд, с успехом наложил лигатуры на безымянную артерию. Здесь Буяльский был общепризнанным виртуозом. Лучше всего это выразил проф. Саломон, сам прекрасный хирург и европейски образованный врач. «Если бы мне, — сказал он однажды Кайданову,¹ — пришлось бы подвергнуться операции аневризмы, то я во всем свете доверился бы только двоим: Астлею Куперу в Англии и Илье Васильевичу Буяльскому в России».

В журнале «Сын отечества» за 1822 г. (№ 21) приводится интересное сообщение ученого секретаря академии Я. Кайданова о трудной операции аневризмы, искусно выполненной молодым Буяльским.

«Конференция Императорской медико-хирургической академии долгом поставляет уведомить, что в хирургической клинике прошедшего апреля 14 числа, прозектором, коллежским асессором Ильею Буяльским сделана операция паховой аневризмы учебного Карабинерного полка унтер-офицеру Никандру Антонову, имеющему 32 года от роду, и наложены лигатуры на верхнюю часть бедренной артерии в тазу при самом ее начале от подвздошной общей. Операция была сделана по методе знаменитого Купера, только несколько выше, и произведена с необыкновенною скоростью и точностью, без малейших остановок от кровотечения, так, что вообще продолжалась только двадцать минут.

Операция сия, по трудности производства оной, есть одна из важнейших, а по редкости своей одна из достопримечательнейших. В отечестве нашем, сколько известно, она произведена выше только второй раз. Больной, над которым сделана сия последняя операция, со дня производства оной и до сего времени находится в хорошем

¹ Я. К. Кайданов был секретарем конференции Медико-хирургической академии.

состоянии; шитки, коими была перевязана артерия. 9 мая вышли. И теперь, по всем настоящим признакам, имеется полная надежда к совершенному его выздоровлению. Конференция академии объявляет сие тем с большим удовольствием, что г. Буяльский есть воспитанник здешней академии и ученик по хирургии профессора Буша».

А. Я. Чистович¹ сообщает любопытный случай, также иллюстрирующий блестящую технику еще молодого Буяльского. Буш, после долгих упрасиваний, согласился, наконец, сделать одному видному лицу операцию камнесечения. Во время производства операции у больного открылось сильное кровотечение, и он впал в глубокий обморок. Профессор пытался остановить кровь, но не мог. Смутившись от неудачи, он, наконец, передал больного Буяльскому со словами: «Я проklinаю себя, что взялся делать операцию. Я как будто предчувствовал неудачу, отказываясь делать ее». Буяльский наложил пять лигатур и остановил кровотечение. Когда, по выздоровлении, больной благодарил Буша, то последний, взяв деньги, сказал при всех ассистентах: «Большая часть благодарности принадлежит вам, Илья Васильевич, потому что без вас мы бы теперь не разговаривали с больным своим и прямо с операционного стола переложили бы его в гроб. Но так как я делал операцию, а вы остановили смертельное кровотечение, то, разделив труд, разделим и вознаграждение». И с этими словами тут же передал Буяльскому половину полученных денег.

Не менее интересен и другой случай. Однажды Буш с помощью Буяльского удалял у одной женщины пораженную раком грудную железу и, уже заканчивая операцию, ранил подкрыльцовую артерию. Кровь сильной струей брызнула Бушу в лицо, но Буяльский не растерялся и быстро схватил сосуд и перевязал его. Окончив операцию, профессор Буш сказал: «Теперь я даю слово, что без вас, Илья Васильевич, не предприиму никакой мало-мальски важной операции».

* * *

¹ Русская старина, т. 15, 1876.

Мариинская больница в Петербурге, в первой половине XIX века
(ныне Больница им. Куйбышева).

Особенно широко развернулся хирургический талант Буяльского в Мариинской больнице, куда он был приглашен в 1831 г. первым консультантом и проработал затем непрерывно в течение 33 лет до 1864 г. По существу основная его практическая деятельность протекала в стенах этого заведения (ныне Больница им. Куйбышева). Открытая в 1803 г., больница являлась образцовым учреждением и по своему устройству и оборудованию превосходила заграничные. Огромное количество больных, проходивших через стационары и амбулатории,¹ обеспечивало Буяльскому широкое поле хирургической деятельности. Большинство его самых разнообразных операций, начиная с пластических и костных и кончая грыжами и литотомиями, сделано в стенах Мариинской больницы. Об этом свидетельствуют многочисленные «интересные наблюдения» и «случаи», опубликованные им в журналах, а также рисунки больных и собранная коллекция патологоанатомических препаратов.

¹ Достаточно указать, что в течение года через стационар больницы проходило тогда в среднем около 3500 больных, а через амбулаторию — от 30 000 до 40 000 человек. (Г. П о п о в. «Мариинская больница для бедных в С.-Петербурге». Исторический очерк за 100 лет. 1905, стр. 18).

«Не проходило месяца, — пишет Чистович, — чтобы в Петербурге не толковали о какой-либо новой и блистательной операции, произведенной Буяльским». Исключительный интерес в этом отношении представляет «Дело о несчастном приключении с воспитанником Воейковым 2-м», обнаруженное мною среди архивных материалов Царкосельского лицея за 1833 год.¹ Ранение, полученное Воейковым, и операция, сделанная ему Буяльским, настолько необычны, что имеют интерес и по настоящее время.

Случай этот, «наделавший много шума в Петербурге и при дворе», состоял в следующем.

«Сего октября месяца 1-го числа, в 11 часов, когда воспитанники Императорского царкосельского лицея собрались идти в церковь, воспитанник 1-го класса Аркадий Богаевский 2-й, оставшийся по слабости здоровья при своем месте, приготовился рисовать, для чего держал в руке рисовальную костяную палочку, с обеих сторон заостренную, длиною трех вершков, а толщиной несколько линий; на сию палочку воспитанник 1-го же класса Воейков 2-й, нечаянно севши, получил рану в левую ногу ниже мышц ягодичных, и оная косточка, переломившись, осталась в теле так глубоко, что без операции невозможно будет достать, а как таковые раны бывают опасны, то о сем имея честь донести вашему превосходительству, полагаю пригласить по сему случаю г. лейб-медика Арендта». (Из рапорта доктора лицея Пешеля директору того же лицея генерал-лейтенанту Гольтшперу.)²

Поднявшийся переполох охватил весь лицей. Директор из-за боязни, что об этом происшествии может узнать отдыхавший тогда в Царском Селе Николай I, только на следующий день, когда состояние мальчика ухудшилось, решил вызвать находившегося при дворе Арендта. Последний по прибытии в лицей, вместе с Пешелем и еще одним доктором, осмотрел Воейкова и пришел к заключению, что палочка прошла через все мягкие ткани бедра и верхним концом своим остановилась под пупартовой связкой, вблизи крупных сосудов.

Необходимость операции стала очевидной. Арендт решил сам удалить оставшуюся палочку «через разрез на передней — верхней части бедра», но в помощь себе попросил вызвать из Медико-хирургической академии профессора Буяльского или Саломона. Об этом мы узнаем из срочного донесения, посланного 2 октября директором лицея в «Штаб главного начальника Пажеского и всех кадетских корпусов».

¹ Г. И. А. Л. О., ф. II, св. 134, л. 784а, 1833.

² Подлинник рапорта хранится в деле.

Подробно описывая случившееся происшествие, Гольтгойер сообщает, что: «... по объявлению доктора лицей ст. сов. Пешеля я немедленно пригласил по сему случаю лейб-медика д. ст. сов. Арендта, который, осмотрев больного воспитанника, изъявив мне желание свое, чтобы для учинения операции приглашен был в помощь ему один из профессоров Медико-хирургической академии, а именно Буальский или Саломон, для приглашения конх сюда и отправлен мною в Санктпетербург доктор лицей ст. сов. Пешель».

3 октября, т. е. на третий день после случившегося, из Петербурга прибыл Буальский. Осмотрев Воейкова, жаловавшегося на сильные боли, он подтвердил серьезность ранения и необходимость срочной операции, но заметил при этом, что за ее исход ручаться трудно. «Долго ощупывая перстами место повреждения», Буальский нигде не мог определить воткнувшуюся палочку и поэтому пришел к выводу, что разрез лучше делать на стороне раны, т. е. по задней, а не по передней поверхности бедра, как это предполагал Арендт.

Потому ли, что Буальский не подтвердил мнение ранее состоявшегося консилиума о локализации инородного тела, или потому, что лейб-медик просто побоялся предстоящих трудностей, операцию стал делать не Арендт, а Буальский, которому помогали д-р Пешель и один лекарский помощник.

Как и следовало ожидать, операция оказалась весьма сложной и продолжалась 34 минуты, что по тем временам считалось длительным сроком. После многократных поисков Буальскому удалось все же обнаружить и удалить злополучную костяную палочку, которая, как оказалось, проникла в малый таз и остановилась там сбоку от мочевого пузыря. Но предоставим слово самому оператору, подробно изложившему ход этой интересной операции.

«Сделав на месте проколотов раны разрез шириною в два с половиною, а глубиною в полтора дюйма и продолжая операцию 10—15 и уже 20 минут, к крайнему моему изумлению, я нигде не находил воткнувшейся кости, и начал уже сомневаться, можно ли найти оную; потом, исследывая перстом на дне раны, начиная от бугра седалищной кости по направлению восходящей ветви ее, ощущал я, что позади овальной дыры, покрытой мышцами, в тазовой полости, при самом соединении восходящей ветви седалищной кости с нисходящею ветвию лобковой, находится нечто твердое, что (как известно из анатомии) не должно здесь быть. От давления перстом на место сие большой чувствовал внутри усиливающуюся боль, при том рана имела уже такую глубину, что дно ее не видно было. Посему я еще расширил рану, и, края ее разведши широкими лопаточками, прорезал нижнюю часть начала мышцы бедра тонкой (*m. gracilis*), потом часть начала большой головы мышцы трехглавой бедра (*sar. magnus m. tricipitis femoris*), наконец наружную мышцу, закрывающую овальную дыру (*m. obturator externus*), и затем ясно уже ощущал конец передомыленной костяной палочки, которая удалась от поверхности тела внутрь слишком на полтора вершка. Отысканную на сем месте палочку перстами ощущивали:

г. директор лицея, генерал-лейтенант Гольтгойер и врач лицея, ст. сов. доктор Пешель. Весь указательный перст, введенный в рану, едва верхушкою своею достигал до палочки, которую несколько захватить щипцами не прежде можно было, как после предварительного разреза перепонки овальной дыры и внутренней ее мышцы. Отделенная со всех сторон с помощью крепких полированных щипцов, имеющих на ручках подвижное кольцо, я, употребив большое усилие, успел наконец вытянуть палочку во всей целости.

Случай с Воейковым наглядно показал всем, что не Арндт, а Буяльский является теперь первым оператором в Петербурге.

Вскоре Илья Васильевич получил приглашение и дал согласие занять должность «оператора всех кадетских корпусов» (в том числе и лицея), в которой и состоял (без жалованья) до последних дней жизни.

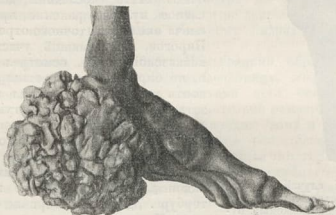
В заключение всей этой истории укажу еще на один штрих, рисующий тогдашние нравы «высокопоставленных лиц». Усомнившись во врачебных познаниях Пешеля, раздраженное начальство решило отыграться на лицейском докторе и уволить его в отставку. Однако директор лицея взял под защиту своего медика, прослужившего на одном месте 22 года, в продолжение которых «столько один воспитанник скончался на руках его». Указывая, что несчастье, постигшее Воейкова, есть случай, выходящий за пределы деятельности обыкновенного хирурга, он справедливо напоминает переположившемуся начальству, что «даже сам г. лейб-медик Арндт, осмотрев рану Воейкова, и изъявив готовность сделать ему операцию, вместе с тем предложил мне просить Медико-хирургической академии профессоров Буяльского или Саломона для консультации»; а затем, как известно, и вовсе отказался от ее производства.

Доводы, приведенные в ответе директора лицея, повидному, все же убедили начальство в «невинности» доктора Пешеля, и оно оставило его на месте, тем более, что воспитанник Воейков к этому времени уже был вне опасности.

Буяльский принадлежал к числу тех хирургов, у которых интересы больного стояли на первом месте и определяли собой всю их лечебную деятельность. Наблюдатель-

ный, вникающий во все подробности заболевания, он отличался глубоким знанием болезней.

Как диагност, Бульский почти не имел себе соперников и пользовался среди врачей непреложным авторитетом. Не только друзья, но и противники признавали за ним это право и нередко обращались к нему в трудных случаях за советом. Слово его считалось обычно последним, было убедительным и всегда твердым.

Остеосаркома пяточной кости, оперированная Бульским.

Под рисунком имеется надпись: «Тверской губернии Весьегонского уезда, деревни Сулонки, государственный крестьянин Семен Исаков, 26 годов, поступил в Маринскую больницу 5 декабря 1858 г. Ампутация стопы сделана 12 февраля 1859 г. После операции он совершенно выздоровел». (Из анатомико-патологических тетрадей Бульского).

«Бульский, — писал один из его современников, — как будто рожден был для разрешения сомнений. Никто так старательно не исследовал больных, никто так глубоко не вдумывался в настоящее и будущее представлявшегося случая и никто так положительно и твердо не высказывал своих мнений».¹

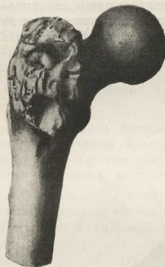
Не буду подтверждать сказанное многочисленными примерами. Отмечу лишь, что Бульскому приходилось

¹ Я. А. Чистович. Русская старина, т. 15, 1876.

решать запутанные диагностические вопросы, где и такие маститые хирурги своего времени, как Буш, Арендт, Саломон и другие, не могли не признать его авторитет.

Даже имя Пирогова история включила в этот список.

Оранский приводит любопытный случай, происшедший с полковником Новоселовым.¹ Во время осады Ахты последний получил слепое пулевое ранение правого плеча около лопаточного отростка. Пирогов, принимавший участие в кавказской войне, осмотрел рану и, не определив пули, решил успокоить раненого и приказал показать ему с этой целью другую пулю, якобы удаленную у него из тела. Утешение, однако, было кратковременным, — постоянные боли и затрудненность в движениях рук, наконец, привели раненого в Петербург. Здесь его вторично осмотрел Пирогов и даже прочитал над ним две лекции студентам академии, после чего выдал полковнику свидетельство в том, что: «... пуля находится в правой грудной полости и без опасности для жизни больного не может быть вынута оттуда». Вскоре раненый явился к Буяльскому. Внимательно исследовав плечо, Илья Васильевич взял скальпель и в присутствии двух врачей, тут же, через небольшой разрез, удалил пулю. Буяльский в свою очередь выдал

Редкий случай длительного нахождения пули в кости, наблюдаемый Буяльским.

Под рисунком имеется надпись: «Отставной рядовой Тарас Миронов, 83 годов от рода, поступил в Маринскую больницу прошедшего — 1858 — года, октября 23-го дня. Скончался от старости 1859 г., февраля, 5-го числа. В аттестате, данном ему, значится, что он поступил в службу 1812 года и назначен в Павлоградский гусарский полк. В 1814 г. во Франции под Лаоном ранен в правую яшкку, в верхнюю часть бедренной кости. Пуля оставалась в теле 45 годов, без 20 дней». (Из анатомико-патологических тетрадей Буяльского).

полковнику новое свидетельство, что «... пуля, после полугодового скрывания в теле, найдена и извлечена».

¹ Ф. Оранский, Моск. мед. газ., № 41, 1865.

Не менее интересен случай, произошедший с генерал-майором В. А. Полторацким, о котором он подробно сообщает в своих воспоминаниях, помещенных в Историческом вестнике за 1893 г.

4 июня 1854 г. в сражении с турками при р. Чолоке Полторацкий был ранен в ногу, живот и руку. «Последняя пуля в упор из пистолета разбила кисть левой руки, всадив в нее весь заряд с пыжом на вылет». Полковой врач Брашневский, осмотревший руку, решил ампутацию не производить. Несмотря на длительное и энергичное лечение, рана на кисти не закрывалась, а все время гноилась, причиняя больному изрядные страдания.

По приезде в Петербург, Полторацкий обратился за помощью в Максимилиановскую лечебницу, желая воспользоваться медицинскими советами всех светил, не исключая Пирогова». Пирогов внимательно осмотрел руку, «...ощупал омертвелые пальцы, опустил зонд в глубину раны, затем, не колеблясь ни секунды, решительным жестом указал на место на руке вершка полтора выше кисти к локтю, лаконически проговорив ассистентам своим что-то по-латыни. Они уже засуетились, когда Пирогов, случайно отведя глаза от руки моей на стальные против него часы, показывающие без двух минут 11, торопливо остановил медицинские порывы словами: „Впрочем, сегодня уже поздно...“ и, обращаясь ко мне, добавил: «... пожалуйста в четверг к 10 часам».

Не желая делать ампутации, Полторацкий решил обратиться за советом к Бульскому и в тот же день поехал к нему на квартиру. Дома Бульского не оказалось, однако ждать его пришлось недолго. «В прихожей послышался стук галosh, а секунду спустя, мелкими шажками вкатился в комнату маленький, седенький, чисто выбритый старичок, в мундире, сплошь покрытом на всей груди бесчисленными орденами и звездами. Подлинный иконостас этот, — пишет далее Полторацкий, — с приветливой улыбкой проворно подбежал ко мне, и почтительно выслушав, проговорил: „Сию минуту я буду к вашим услугам“. Не прошло и пяти минут, как почтенный доктор опять очутился передо мною, но вместо мундира на нем был надет длинный до самого пола ослепительной белизны

фартук, а рукава глянцевого камзола засучены по самые локти... Как только я снял повязку, Буяльский подвинулся ко мне и впился глазами в мою руку. Около получаса продолжался осмотр ее, с систематическим, самым внимательным исследованием раны и всех совершившихся ее последствий на кисти и пальцах. Приемы и обращение Буяльского с изувеченною рукой моей отличались осторожностью и мягкостью. Нетерпеливо ожидал я своего приговора, не умея во взгляде его прочесть впечатления, произведенного странным видом уродливой руки моей, жестоко раздутой, а вместе безжизненной и мертвенно бледной. „Нет, — спокойным голосом, наконец, проговорил доктор, — нет, сто раз нет! Ампутировать не надо!“ Я просил, Буяльский же продолжал с расстановкой речь свою: „Рана ваша жестокая, все мелкие кости раздроблены в куски... и при отделении в будущем осколков костей вам предстоит еще мучения. Рукою владеть, как прежде, вы никогда не будете“. Затем Буяльский рекомендовал Полторацкому лечение.

Уходя, Полторацкий встретил в прихожей старушку, с которой у него произошел следующий разговор: „А как же за визит, за консультацию?“ — прискивая слова, допрашивал я. — „Они от раненых никогда не пользуются“, — возразила старушка. — „А от других?“ — приставал я. „А другие, что пожалуют, вот в эту кружечку“, — указала она на медную с какой-то надписью, вероятно о цели благотворительной, кружку, прибитую к стене. Я поспешил достать десятирублевую бумажку и, несмотря на протест, опустил ее в глубь посуды. Прошло два года. Полторацкий залечил свою руку и не владел только двумя пальцами.

Я подробно остановился на этой истории потому, что описана она не врачом и не в медицинском, а в историческом журнале и представляет собой свидетельство не лицеприятное, а самого пострадавшего, чему безусловно можно верить.

Огромный практический опыт, приобретенный Буяльским, позволял ему намного вперед видеть течение заболеваний и предсказывать их исходы, иногда с поразительной точностью. Так, например, он почти за полгода предугадал печальный конец болезни князя Волконского,

страдавшего старческой гангреной ног. На вопрос родственников — когда же наступит развязка болезни — Буяльский ответил: «После мая придет июнь, за июнем

Рисунок из коллекции Буяльского, с его собственноручной подписью: «Левая нога в колене в детстве была совершенно вывихнута вверх; и по сращении торчала вперед, и мешала ему ходить. Я делал ему amputationem femoris».

август, за августом наступит сентябрь, наступит ли для больного октябрь — неизвестно». ¹ В действительности так оно и оказалось.

¹ Ф. Оранский. Моск. мед. газ., № 41, 1865.

Конечно, ошибался и Буяльский. Однажды, например, он принял небольшую опухоль за обыкновенный жировик, вскрыл ее и получил сильнейшее кровотечение. Остановив его и убедившись в наличии ангиомы, он прекратил операцию.

Тщательность в исследовании больного, неторопливость с диагнозом и осторожность в показаниях к операции в значительной мере исключали возможность совершения грубых ошибок. «Неудачи его, — пишет Оранский, — никому из его пациентов не стоили жизни». Может быть это и так. Во всяком случае операция для Буяльского никогда не была самоцелью, а только одним из лечебных средств. Больше того, он смотрел на нее, как на последнее пособие, всегда учитывая при этом причиняемое ею страдание больным.

Необходимо также напомнить, что это был период, когда даже малые операции таили в себе роковую опасность и сопровождалась большой смертностью. Естественно поэтому, что хирурги прибегали к ним в крайних случаях, окончательно исчерпав все терапевтические пособия.

Наглядным примером может служить распространенная тогда каменная болезнь. Буяльский по праву считался лучшим оператором литотомистом. Однако в своем Меморандуме он приводит 27 различных рецептов «для разрешения камней», «от камня в почках» и т. п. В ряде случаев терапевтические пособия давали хороший лечебный эффект, о чем говорит следующая его запись.

«Доктор Бимберг, страдавший мочевыми камнями известкового свойства, принимал каждый день по 10 трех гран пилюли, состоящие из одного казанского мыла. Я видел у него 83 или 87 камешков, вышедших *per urethrum*. Кроме пилюль, он принимал каждый день содовую воду».

Буяльский, как отмечалось выше, в совершенстве владел и оперативным лечением аневризм, однако он советует вначале испробовать ряд лекарственных средств, и среди них, «как самое рациональное», — раствор соляной кислоты.

Тяжелую задачу представляло лечение острых хирургических заболеваний, в частности заворота кишек.

При «завитке кишек» Буяльский советует вначале применить «противовоспалительные» методы лечения (пиявки, кровопускание, слабительные, промывательные), а также «эпидермическое¹ приложение» препаратов морфия.

Но если все они не помогают, то надобно «влиять больному в рот полфунта и даже целой фунт живой ртути. От этого средства я несколько раз видел разрешение завитка кишек. Именно: у купца Лытикова два раза, и в Мариинской больнице два раза».

Грыжесечение относилось также к очень опасной операции, и к нему прибегали лишь после того, как ручное вправление не давало результата.

«От ущемленной грыжи, — пишет он, — все первоначальные средства каждому врачу известны: 1) слабительное, 2) промывательные, 3) припарки, 4) холодные примочки со льдом, 5) пиявки над грыжею и на живот 12—18 штук, 6) при полном и крепком пульсе, при частой рвоте открыть фунт или полтора фунта крови, 7) сделать ванну для всего тела, и в ванне пробовать вкладывать грыжу, и 8) хлороформировать 2—3 и 5 минут, и при этом тоже стараться грыжу вкладывать».

Но там, где Буяльский убеждался в необходимости операции, он настаивал на ней со всей твердостью своего характера и уже не отступал от принятого решения. В таких случаях действия его становились смелыми. При этом, однако, он не раз говорил: «Смелость и дерзость сопредельны между собою; но мысль, что имеешь дело с живым человеком, должна быть постоянно присуща хирургу, чтобы первая не перешла в последнюю».

Большой личный опыт и критический ум выработали у него свои взгляды на течения заболеваний, а отсюда и правила поведения у постели больного. Отдельные его указания настолько глубоки по своему содержанию и вместе с тем так просты, что могут быть названы заповедями хирурга. Вот некоторые из них:

«Операция делается иногда для того, чтобы сохранить жизнь, но мы обязаны подумать и о том, чтобы эта сохраненная жизнь, по возможности, была менее тягостна».

«Хирург, не лечащий после операции боль-

¹ Внутрикюжное.

ных своих, не имеет право говорить об успехах своих».

«Легко отнять руку или ногу, но никогда еще не удавалось приставить ошибочно отнятую руку или ногу, а отсюда: семь раз подумай и один раз отрежь».

В этих немногих словах заключена вся тайна практических успехов Буяльского и его необыкновенной популярности как хирурга.

Им сделано было более 2000 различных больших операций, что по тем временам являлось огромной цифрой. Многочисленными и часто весьма редкими тогда операциями он приобрел известность не только в России, но и в Европе и в Америке.

Выдающийся хирург-практик, прекрасный диагност и оператор, Илья Васильевич Буяльский прославился и как новатор, с именем которого в истории отечественной медицины связано введение целого ряда новых операций, лечебных методов, инструментов.

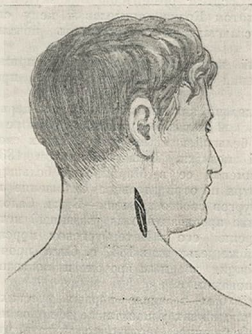
Он первый, 13 июня 1835 года,¹ произвел с двух сторон перерезку прибавочных нервов больному, страдавшему в течение двадцати лет тяжелыми невралгическими болями и безуспешно лечившемуся у лучших европейских хирургов того времени: Астли Купера, Вардрона, Лоренса и др. Операция продолжалась 9 минут. «Жесточайшие нервные боли шеи, затылка и головы, сопряженные с ужаснейшими судорогами, каждые два часа, день и ночь, ожесточавшиеся» (Саломон), тотчас прошли на операционном столе и не возобновлялись в течение 5 недель. Однако потом они вновь возвратились с прежней силой.

Буяльским впервые произведена у нас резекция верхней челюсти; при этом он упростил способ Диффенбаха и сделал его менее травматичным. Вмешательство длилось всего около 15 минут и окончилось выздоровлением больной. Операция эта наделала много шума, так как сам Диффенбах находился тогда в Петербурге. Она наглядно всем показала превосходство русского хирурга

¹ «Перерезания прибавочных нервов». Военно-мед. журн., 26, стр. 25, 1835.

перед одним из самых видных заграничных светил того времени.

Илья Васильевич первый с успехом произвел операцию при врожденном заращении прямой кишки у двух-

Доступ к виллизиеву нерву по Буальскому. (Рисунок из его работы: «Перерезания прибавочных нервов»).

дневного ребенка,¹ влагалищного свища и ввел в практику ряд других пластических способов.

Много сделано было им и для усовершенствования хирургического инструментария. Кроме всем известной лопаточки, Буальский предложил еще серебряный турни-

¹ Записки по части врачебных наук, стр. 213—218, 1847.

кет¹ для остановки кровотечения и свою аневризматическую иглу, которые получили положительную оценку и вскоре были включены в известный атлас Blastius. Он также предложил особую ложечку для выскабливания матки, вошедшую затем в гинекологические наборы под его именем (Cochlear obstetricum Bujalsky), и усовершенствовал литотом Козма, приделав к нему специальную головку, исключаящую возможность нечаянного ранения.

Буяльский предложил и с успехом применил свой способ лечения фистул слезного мешка при помощи ляписа.²

Им же сделано, как он сам пишет «... первое наложение сетеновской повязки в России».³ Вскоре после опубликования бельгийским хирургом Сетеном своего метода крахмальной повязки, Буяльский летом 1837 г. уже широко применял ее в Марининской больнице. Больше того, несмотря на отрицательное отношение к ней виднейших хирургов своего времени—Буша, Саломона и др., он настойчиво пропагандировал указанный метод и добивался внедрения его в Петербургском морском госпитале. С этой же целью им в 1837 г. была прочитана специальная лекция военным врачам и показана техника наложения повязки.

Буяльский был в числе первых русских хирургов, настойчиво введших у нас также эфирное и хлороформенное обезболивание. Достаточно указать, что 10 августа 1848 г. (т. е. всего через десять месяцев после первого хлороформирования больного Симсоном) он уже делает операцию «8-месячному дитяти при помощи хлороформа».⁴ Илья Васильевич так описывает наступление наркоза: «Через две минуты по начатии вдыхания дитя опустило ручки, побледнело и начало закрывать глаза. Не теряя времени, я сделал продолговатый разрез в покровах, и дитя не оказало ни малейшего чувства, что и убедило в достаточном действии хлороформа».

¹ Военно-мед. журн., 15, стр. 224, 1830.

² Друг здравия, стр. 222, 1848.

³ Мед. вестн., № 39, 1863.

⁴ Военно-мед. журн., т. 54, 1849.

В заключение автор пишет, что «...этот случай показывает, что хлороформ можно употреблять и годовалым детям, но с большою осторожностью».

Трудно допустить, чтобы такой хирург, как Буяльский, решил впервые хлороформировать грудного ребенка, не имея до этого достаточного опыта над взрослыми пациентами. Подобное предположение тем более вероятно, что отношение к усыплению в те годы было весьма сдержанным, а часто и просто враждебным.

Во всяком случае, из его Меморандума видно, что наркотические вещества использовались автором широко, и не только при операциях. В разделе «Анестезические средства» мы читаем: «Главное употребление хлороформа — при операциях. Хлороформ также употребляют: при спазмах, корчах, столбняке, в истерических припадках, в бессоннице, словом, во всех первых раздражениях».

Он считает его показанным и при эпилепсии, отмечая при этом, что «... трое детей в возрасте 6—8 лет, одержимые падушей болезнью, были излечены хлороформом в продолжение 6 дней, давая только нюхать».

Помимо хлороформа, Буяльский упоминает о серном углероде, как о «новом одуряющем средстве», но считает его непригодным «по причине воющего запаха». Из других обезболивающих веществ он отдает предпочтение хлорному эфиру, так как последний «действует приятно, сильно и скоро, а упадок сил от него не так велик, как при хлороформе».

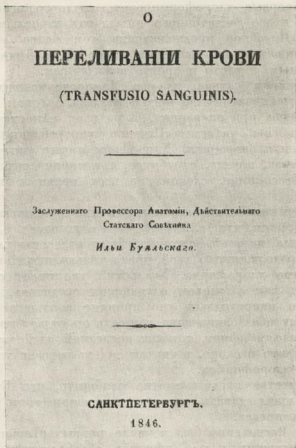
В качестве курьеза можно сообщить, что Буяльский рекомендовал давать нюхать хлороформ «при болтовне после пьянства».

Илья Васильевич был в числе первых русских хирургов, введших у нас эфирное обезболивание. В мае 1847 г.,¹ т. е. спустя 7 месяцев после открытия Уоррена (17 октября 1846 г.), он делает операцию под эфирным усилением, а в конце 40-х годов наркоз уже широко применяется в Марининской больнице.²

¹ Друг здравия, стр. 324, 1848.

² Г. Попов. «Марининская больница. 1803—1903». Историч. очерк, 1905.

Нельзя не отметить, наконец, роли Буяльского в деле пропаганды у нас идеи переливания крови, которое признавалось тогда героическим мероприятием ввиду часто

Титульный лист работы Буяльского «О переливании крови».

сопутствующих ему грозных осложнений. Известно, что кровь бралась в то время не только от человека, но и от животных (овца, теленок, лошадь) и переливание обычно кончалось трагически. На 7—10 таких операций

выживал лишь 1 человек. Естественно поэтому, что врачи почти вовсе оставили переливание крови, а в некоторых странах оно просто было запрещено законом.¹ В России в те годы этот метод также не имел почти никакого распространения. И вот Буяльский вновь поднимает его на щит и предсказывает ему огромное будущее.

Более ста лет назад в первом номере Военно-медицинского журнала за 1846 год появляется замечательная работа «О переливании крови». Буяльский начинает ее с восстановления приоритета Либавия. Он указывает: «Честь открытия приписывали себе французы и англичане; это, однако же, несправедливо: оно (т. е. переливание крови. *Е. М.*) было известно гораздо ранее: Либавий в 1615 г. ясно описывает, каким образом оно производилось еще в его время».

Автор подробно останавливается на причинах, которые надолго охладили стремления ученых к дальнейшему изучению этого метода. В частности, он отмечает всю нелепость суждений прежних врачей, видевших в переливании крови универсальное средство, способное восстановить не только здоровье и юность больного, но и изменить его характер.²

Буяльский обращает особое внимание на технику переливания и указывает на два обязательных условия: 1) чтобы кровь была теплой и не успела остыть и 2) чтобы не попал воздух в «жилы». С этой целью он предложил свою конструкцию шприца с двойными стенками, который обеспечивал сохранение теплоты взятой крови. Буяльский пишет далее буквально пророческие слова:

«Я со своей стороны считаю, думаю и останусь в том убеждении, что операция переливания крови позже или раньше должна войти в круг необходимых практических пособий и что путем опыта она, наконец, займет место наряду с прочими операциями, к которым прибегают в экстренных случаях, и принесет большую пользу

¹ Так, например, во Франции во второй половине XVII столетия переливание крови было воспрещено специальным постановлением правительства.

² Раньше думали, что если больному влить кровь от овцы, то он станет кротким, а если от тигра, то свирепым.

роженницам». При этом автор не ограничивает показания к переливанию крови одной только акушерской практикой, а считает, что его можно применять и «при потере крови от наружных ран».

Буяльский, как это видно из его слов, имел твердое намерение предпринять переливание крови «при первом к тому случае». Он даже специальным письмом запросил мнение президента медицинского совета и получил от него ответ, что «... таковая операция у нас не запрещена, и может быть предпринята». Больше того, чтобы подготовить благоприятное общественное мнение об этой операции, он первоначально помещает свою статью «О переливании крови» в распространенной тогда газете «С.-Петербургские ведомости».

В письме к редактору газеты Илья Васильевич Буяльский писал:

«Статья о переливании крови есть чисто медицинская, но желательно напечатать оную прежде в Ведомостях, с тою целью, во-первых, чтобы познакомить публику с возможностью переливания крови; а во-вторых, чтобы в случае неудачи, предостеречься от разных толков и обвинений».¹

Однако, несмотря на всю эту подготовку, Буяльский не произвел ни одного переливания крови. Это уже не осторожность, а просто боязнь возможных неприятностей и кривотолков. Он и сам этого не скрывает.

«От производства этой операции, — говорит Буяльский, — меня удерживало, с одной стороны, ее необычайность в глазах народа, которая могла подать повод к разным толкам и незаконным упрекам, в случае неудачной попытки, сколько, с другой стороны, предубеждение самих врачей, из коих многие в суждениях своих обыкновенно ограничиваются приговором других и, следуя безответно авторитету заграничных своих учителей, нередко с дерзостью и школьным нахальством порицают мышления и действия своих соотечественников».

Как это непохоже на Буяльского, не раз рисковавшего своей репутацией ради спасения больных и обычно не отступавшего от принятых решений.

¹ Военно-мед. журн., стр. 437. 1846.

Рамки настоящей книги не позволяют мне подробно остановиться на рассмотрении всех научных трудов Буяльского в области хирургии. Отмечу лишь, что работы, вышедшие из-под его пера, несмотря на разнообразие затронутых в них вопросов, носят одну общую черту — это трезвость в оценке полученных материалов и осторожность (но не боязнь) в их обобщении.

Особенно много занимался он хирургией кровеносных сосудов, и лучшие его сочинения посвящены как раз этому вопросу. В первой своей большой работе — диссертационной (*Momenta quaedam aneurysmatum pathologiam therapiam...*, 1823) — Буяльский выступает как серьезный исследователь с новой теорией патогенеза аневризм, утверждающей, что в основе их происхождения лежит воспаление внутренней стенки самой артерии. Буш, ознакомившись с этой диссертацией, говорил своему ученику: «Смотрите, чтобы вас не раскритиковали. Но если ваше мнение справедливо, то все рисунки и все сочинения Астли Купера об аневризмах должны быть признаны нигде не годными».

Наиболее выдающимся трудом Буяльского, открывшим новую замечательную страницу в истории русской оперативной хирургии, являются выпущенные им в 1828 г. «Анатомико-хирургические таблицы, объясняющие проведение операций перевязывания больших артерий».

Шприцы для переливания крови, предложенные Буяльским в 1846 г.

Слева — фотография шприцев, хранящихся на кафедре оперативной хирургии Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова.

Справа — схема шприца с двойными стенками: наружная стенка — медная (1), внутренняя — оловянная (2), между которыми (3—4) наливалась теплая вода (33—34° по Р.).

О своем намерении издать в последовательном порядке полный курс оперативной хирургии в виде таблиц Буяльский заявил конференции Медико-хирургической академии еще в 1825 г. и в качестве образца представил первые 12 рисунков. Конференция одобрила его начинания, и президент академии Виллие исходатайствовал 8000 рублей ассигнациями на печатание материалов. Одновременно конференция решила, ввиду обширности задуманного сочинения, назначить комиссию в составе профессоров Буяльского, Саломона и Савенко, которые под непосредственным наблюдением Буша должны были разделить между собой труд по составлению атласа. В результате большой работы, продолжавшейся в общей сложности 27 лет, появились три части таблиц, представляющих собой замечательное для своего времени произведение по оперативной хирургии. Первая часть была издана в 1828 г., спустя 7 лет (1835) появилась вторая и еще через 17 лет — в 1852 г. — вышла третья и последняя часть этого огромного коллективного труда.¹

Первая часть атласа под названием «Анатомико-хирургические таблицы, объясняющие производство операции перевязывания больших артерий, рисованных с натуры и выгравированных на меди, с кратким анатомическим описанием оных и объяснением производства операций» была составлена инициатором издания — И. В. Буяльским.

«В нашем столетии, — пишет он в предисловии, — хирургия сделала самый большой шаг в деле оперативного лечения аневризм, и познание анатомии и хирургии до такой смелости довело операторов, что самые большие стволы артерий, как то: сонных, подключичных, крыльцовых, даже безымянных и подвздошных, перевязывают со счастливым успехом и исторгают людей из челюстей смерти».

¹ Полностью осуществить свои желания о выпуске в таблицах всей оперативной хирургии Буяльскому и его товарищам Савенко и Саломону не удалось. Повидимому, основной причиной тому были большие материальные и технические трудности, связанные с изданием. Известно, например, что на печатание только трех выпусков было израсходовано около 30 000 рублей ассигнациями.

АНАТОМИКО-ХИРУРГИЧЕСКІЯ

ТАБЛИЦЫ

напечатанныя по Высочайшему повелению и приуроченыя

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ I.

Курс

НАЯ ВУЧАДСКІЯ

*Лекція Медици и Хирургіи и Теоріи
Физиологическаго Профессора Анатолия*

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ.

1828 года.

Титульный лист «Анатомико-хирургических таблиц».

Однако, отмечает далее автор, чтобы сделать операцию «скоро, безопасно и ловко», необходимо знать не только все ее важные моменты, а и отчетливо представлять себе взаимоотношение частей тела, где она производится.

Таким образом Буяльский задавался целью создать такое наглядное руководство, которое соединило бы в себе данные оперативной хирургии и топографической анатомии.

В соответствии с намеченной задачей, атлас состоит из двух разделов: из 32 страниц текста (на русском и латинском языках), где изложена техника производства операций, и из собственно таблиц, снабженных пояснениями.

«Анатомико-хирургические таблицы» начинаются описанием показаний к перевязке сосудов, строения и свойств артерий. Далее следуют «Общие правила, при всех перевязываниях артерий соблюдаемые». Здесь подробно излагается техника производства разреза покровов, вскрытия сосудистого влагалища, тщательно разбираются моменты отделения вены от артерии, подведение лигатурной иглы, наложение самой лигатуры на сосуд и др. Буяльский подчеркивает: «Разрез общих покровов должен быть длинный; ибо во многих операциях наружный недостаточный разрез оператора затрудняет, а больному вредит».

Особое внимание уделяется осторожному обращению с тканями.

«Если операция, — пишет автор, — сделана с осторожностью, рана заживает через первое краев сращение; в противном случае бывает воспаление раны, нагноение между мускулами, а особливо в теле слабом, раздражительном и остроты имеющим».

Отдельным пунктом отмечается также необходимость бережного отношения к нервам.

Края раны, как известно, в то время обычно не зашивались, а только сближались, и поэтому повязка играла очень большую роль в конечном успехе операции. Вот как выглядит техника наложения повязки по Буяльскому: «Рана перевязывается ленточками мелкого пластыря; потом кладется плимась, очищенное деревянным маслом,

корпейная подушечка, компресс и, наконец, все еще укрепляется должной повязкою».

В конце общей части приводится перечень «инструментов и других вещей, нужных для перевязывания артерий», в числе которых автор подробно описывает предложенный им особый серебряный турникет.¹ Далее излагаются способы перевязки отдельных крупных артерий.

В качестве основных достижений таблиц надо признать строгую последовательность в описании отдельных моментов операции и умелое сочетание данных топографической анатомии с оперативной хирургией. Объяснение оперативных приемов все время происходит с учетом строения данной области. Материал излагается по единой схеме, что облегчает его изучение. Для каждой перевязки точно указывается положение больного и оператора, а также направление и величина разрезов. Подробно перечисляются рассекаемые слои и обращается внимание на те анатомические образования, которые важны как опознавательные.

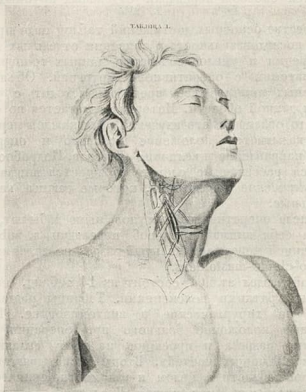
Из числа оперативных доступов, ныне забытых, обращает на себя внимание способ перевязки *a. subclaviae* над ключицей через вертикальный разрез по заднему краю *m. sterno-cleido-mastoideus*.

Второй раздел атласа состоит из 14 таблиц, которые снабжены краткими пояснениями. Таблицы разделяются автором на хирургические и анатомические. Первые изображают положение больного при операции, место проведения разреза и проекцию на кожу «главнейших в глубине лежащих частей». Вторые показывают строение данной области в целом и взаимоотношения отдельных органов или, как пишет Буяльский, — «анатомию частей, операции подвергаемых или окололежащих».

Все рисунки воспроизведены в натуральную величину с препаратов, лично приготовленных Буяльским. Как видно из приведенных фотографий, таблицы безусловно являются художественным произведением, а выполнение некоторых деталей до сих пор восхищает своей тщательностью.

¹ Прибор для сжатия артерий.

Касаясь содержания таблиц, надо отметить, что наибольшее отражение в них нашли, как и следовало ожидать, сосуды, а затем нервы и мышцы. Атлас, как известно, был рассчитан на врачей, особенно военных, и полностью отвечал своему назначению.

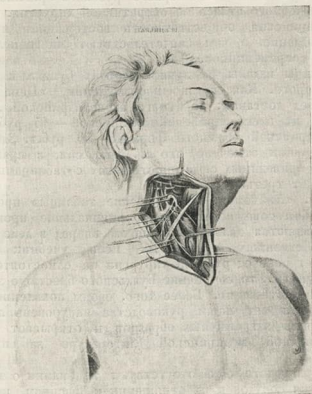

Хирургическая таблица из атласа Буальского
(перевязка *a. carotis comm.*).

Сравнивая это замечательное издание, имеющее вид большого фолианта,¹ с некоторыми современными ему заграничными атласами (Кампера, Белля, Буриса и др.), приходишь к выводу, что «Анатомико-хирургические

¹ Размер атласа — 68 × 52 см.

таблицы» являются совершенно оригинальным произведением и не только не уступают им, но превосходят их своим содержанием и исполнением. Просматривая атлас Буяльского, невольно задаешься вопросом, какую прогрес-

Анатомическая таблица из атласа Буяльского
(перевязка a. carotis comm.).

сивную роль он должен был сыграть в свое время. Надо помнить, что в тридцатых годах прошлого века русская оперативная хирургия еще не имела своего атласа и специального руководства. Изучение предмета проводилось по известному учебнику хирургии Буша и иностранным руководствам, в которых иллюстративный материал отсут-

ствовавал или был представлен крайне бедно. Если к этому добавить, что тогда печатных пособий вообще было очень мало и выход всего нового уже само по себе являлось событием, то становится очевидным огромное значение таблиц Буяльского, как первого русского оригинального научно-учебного атласа по оперативной хирургии.

Медицинская общественность восторженно приняла новое издание, о чем свидетельствуют многочисленные отзывы современников.

Таблицы изданы на лучших сортах бумаги и стоили очень дорого. Как сказано в объявлении,¹ «Цена экземпляру, без доставки: на бумаге александрийской № 1 — 40 руб.; на александрийской английской — 45 руб. и на александрийской большого формата — 50 руб.». Здесь же в примечании отмечено, что «...цена сия, в сравнении с ценою привозимых сюда иностранных с таблицами книг, составляет третью долю».

Итак, «Анатомико-хирургические таблицы» представляют собой совершенно новое, оригинальное произведение и являются дальнейшим шагом вперед в деле создания собственных руководств. Если учебник Буша² знаменует переход русской хирургии на самостоятельный путь развития, то сочинение Буяльского блестяще закрепляет это достижение. Более того, своим появлением оно сразу поднимает наши руководства на уровень лучших в то время заграничных образцов и открывает дорогу отечественной медицинской литературе за пределы России.

У Буяльского еще отсутствуют те знания о деталях положения сосудов и их отношении к фасциям, которые позволили Пирогову выработать свои оригинальные доступы к артериальным стволам, предложить простые и точные способы обнажения сосудов. Буяльский рекомендует еще во время операции почаще ощупывать артерию пальцем «дабы безопаснее действовать, скорее и вернее ее найти». Известно также и критическое отношение Пирогова к таблицам Буяльского, высказанное им

¹ Военно-мед. журн., ч. XI, № 1, стр. 456, 1828.

² «Руководство к преподаванию хирургии» Буша вышло в 1807 г. и выдержало пять изданий.

следующими словами: «...бросьте взгляд на знаменитые изображения Буальского и вам трудно будет понять цель сочинителя: вы увидите, например, что на таблице 6, которая объясняет перевязку подключичной артерии, сочинитель удалил ключицу; этим самым он лишил эту область одной из главнейших границ, проведенной самою природою, и совершенно отнял возможность у хирурга судить, во-первых, об относительном положении артерий и нервов к этой кости (которая, как известно, служит главною руководительницею при операции), а во-вторых, о расстояниях расположенных здесь частей одна от другой».¹

На анатомических таблицах Буальского не показана последовательность отдельных слоев тканей и почти не изображены фасции, поэтому рисунки являются в большей мере именно анатомическими, а не топографоанатомическими, как им надлежало бы быть. То же относится и к его хирургическим таблицам. Представленные на них операционные разрезы нарисованы в виде темных полос, в которых не видно ни рассеченных слоев, ни сосудов, подлежащих перевязке, что также является недостатком атласа.

Однако было бы совершенно неправильно считать, что этим обстоятельством снижается в какой-то степени историческое значение сочинения Буальского. Выход в свет «Анатомико-хирургических таблиц» — первого русского атласа по оперативной хирургии, — отразившего все лучшее, что было до Пирогова, сыграл, конечно, огромную роль в развитии нашей медицины. Что это действительно так, свидетельствует тот факт, что появление таблиц, как справедливо замечает Таренецкий, произвело «...целую сенсацию не только в России, но и за границей»; об атласе печатались самые лестные отзывы, в том числе в Америке, и уже через год он был переведен на немецкий язык и издан в Германии. Заграничная наука на этот раз не смогла замолчать достижения русского ученого, настолько они были очевидны и значительны.

---

¹ Предисловие к «Хирургической анатомии артериальных стволов» Н. И. Пирогова.

Почти все европейские университеты приобрели таблицы, а автор их получил многочисленные отзывы, среди которых имелись письма таких знаменитых врачей, как Лангенбек, Гуфеланд, Лифьер и др. Приведу выдержку из письма, полученного Буальским, от известного американского хирурга Иоганна Варрена:

«Издание ваше изящное и ученейшее „О операциях больших артерий“ мы получили через почтеннейшего нашего друга Алексея Евстафиева¹ и благодарим вас за сие доказательство процветания наук и познаний в Российской империи. В госпитале бостонском мы часто перевязывали большие артерии, как то: сонную, подвздошную и крыльцовую. Мы всегда нуждались в каком-либо издании для помощи в новых опытах, и ваша книга весьма кстати пришла к нам на консилиум, поелику она всех прежде изданных книг и таблиц об артериях весьма много превосходит. И. К. Варрен, м. д. анатомии и хирургии профессор в Горвадском университете».²

Одновременно с этим письмом, написанным по-латыни, Варрен прислал Буальскому в подарок 3 свои книги.

Как уже отмечалось, таблицы явились только частью большого атласа по оперативной хирургии. Второй раздел его («Анатомико-патологические и хирургические таблицы грыж»), выполненный Саломоном и Савенко, вышел в свет в 1835 г.

Последняя часть этого замечательного труда под названием «Анатомико-хирургические таблицы, объясняющие производство операций вырезывания и разбивания мочевых камней», составленная опять Буальским, появилась в 1852 г.

Автору было уже 62 года, когда он выпустил этот атлас. Огромный хирургический опыт, приобретенный на протяжении 40-летней практики, нашел свое полное отражение в этом капитальном труде, заложившем основы научной урологии у нас в стране. Достаточно указать, что к этому времени Буальский лично произвел более 200 операций каменной болезни.

«Анатомико-хирургические таблицы, объясняющие производство операций вырезывания и разбивания мочевых камней», так же как и предыдущие атласы, состоят

¹ Евстафиев был в Америке русским генеральным консулом.

² Северная пчела, 1829.

из двух частей (текста и 9 таблиц) и являются кодинно оригинальными.

После краткой исторической справки автор приводит подробные топографо-анатомические данные о строении

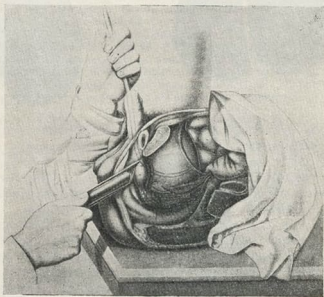
Камни, удаленные Буяльским из мочевого пузыря.

Рисунок из патологоанатомических тетрадей с собственноручной надписью Буяльского: «1 — два камня, вырезанные мною. Больной умер. 2 — камень, вырезанный мною у крестьянина баронессы Строгановой. Больной выздоровел. Рана зажила в 23 дня. 3 — камень, вырезанный у крестьянина. Больной умер».

таза, промежности, мочевого пузыря, прямой кишки, которые и сейчас могут украсить специальное руководство. Затем следует раздел о «зарождении иращении мочевых камней», описание клинической картины и способов диагностики. В заключении излагаются показания, проти-

вопоказания, техника операций и послеоперационные осложнения. Таким образом, перед нами настоящая монография, охватывающая все вопросы каменной болезни.

Хирургическое лечение этого заболевания слагалось тогда из двух основных видов пособий: литотомии (удаление камней через вскрытие мочевого пузыря) и литотрипсии (раздробления камней путем введения через

Боковое сечение мочевого пузыря. Таблица из атласа Буяльского.

мочеспускательный канал особых инструментов — камнедробителей). Эти сложные операции сопровождались большой смертностью и были крайне мучительны для больных. В частности, литотрипсию приходилось делать в несколько приемов. Разбить камень в один сеанс из-за сильных болей обычно не удавалось, и операция повторялась через несколько дней. В связи с этим приведу интересную выписку из Меморандума. Буяльский отмечает: «В один сеанс я разбил камни у двух больных, в три сеанса —

у жены купца Шкарина, и в семь сеансов разбил довольно большой камень у крепостного человека ротмистра Охотникова». Можно только поражаться настойчивости оператора и терпению несчастных больных. Нам сейчас даже трудно себе представить обстановку этих операций, которые требовали от хирурга очень большого искусства.¹ Надо было определить вначале величину и число камней, их твердость, подвижность. Чтобы в совершенстве овладеть этой нелегкой методикой, Буяльский, например, наполнил водою бычий мочевой пузырь, помещал туда мочевые камни и при помощи зонда учился узнавать их размеры, форму и другие признаки.

Менее трудной, но более опасной была операция камнесечения. Для вскрытия мочевого пузыря существовало несколько доступов. Автор настойчиво рекомендует и анатомически обосновывает так называемое «боковое сечение» (*Sectio lateralis*). Удаление камней через прямую кишку (*sectio recto-vesicalis*) или двусторонний разрез, предложенный известным хирургом Дююстрином (*sectio bilateralis*), он считал более опасными приемами.

Атлас, как и его предшественники, издан в виде большого фоллианта. Таблицы исполнены прекрасными художниками и отчетливо показывают топографические особенности и технику операции. Появление его вызвало многочисленные отклики как в нашей, так и в иностранной печати. Сочинение Буяльского всеми расценивалось «как лучшее наставление хирургам, производящим трудную операцию литотомии», и как труд, «приносящий честь не только одному автору, но и целому сословию русских врачей».²

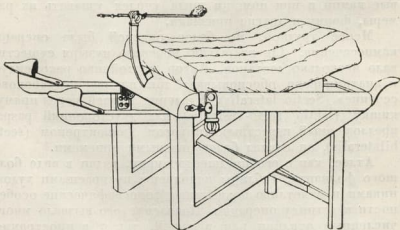
Помимо занятий по хирургии, Буяльский вел обширнейшую акушерскую и гинекологическую практику и опубликовал несколько ценных работ в этом направлении. Среди них надо отметить, прежде всего, «Анатомико-патологическое рассмотрение внематочной беременности,

¹ Литотриптор для разбивания камней представлял собой очень сложный инструмент. Захваченный в него камень раздавливался особым винтом или разбивался ударами молотка по литотриптору. Крочки камней удалялись потом из пузыря особыми «ложечными» инструментами.

² Журн. Современник, т. 46, стр. 45—49, 1854.

1843»,¹ снабженное оригинальными таблицами. В заключении он приходит к выводу, что «...зачатие внематочное может быть только двойное: а) в фаллопиевой трубе и б) в яичнике. Настоящей же брюшной беременностью, в которой бы послед был приросшим (как описывают) к брюшке и кишкам, по моему мнению быть не может».

Буальский описал ряд интересных случаев из своей практики («О преждевременных искусственных родах»,

Специальный стол для операции камнедробления. Камнедробитель укреплен на особой подставке. (Из атласа Буальского).

«О двойной матке, бывшей четыре раза беременной», «О выходе сгнившего зародыша через нарыв в прямой кишке» и др.). Он неоднократно и с успехом удалял полипы матки, о чем свидетельствуют рисунки из его личной коллекции. Там же имеются многочисленные изображения различных уродств, наблюдаемые им среди новорожденных.

В этой отрасли, как и в других, Буальский сделал несколько смелых нововведений. Он первый предложил и

¹ Записки по части врачебных наук, стр. 57—68, 1843.

с успехом осуществил при угрожающих смертельных кровотечениях выскабливание матки с помощью специально изобретенной им ложечки, а также впервые сделал у нас операцию влагалищного свища.

Врачебный опыт и знания Буяльского не ограничивались, однако, областью только одной хирургии со всеми ее ответвлениями, а простирались значительно шире. В частности, он был и хорошим терапевтом. Не могу не привести в этой связи один случай, рассказанный мне внучкой Буяльского — А. П. Левашовой.

Буяльский любил детей и с нетерпением ожидал появления внучат. Когда у его дочери — Александры Ильиничны — родилась девочка, первая его внучка, он через несколько дней внимательно осмотрел ее, выслушал и с горестью сказал, что у нее имеется незаращение ботталова протока, и самое большее она проживет 13 лет. Роковой прогноз оправдался: на 14-м году жизни девочка умерла.

Составленная им примочка для глаз (капли Буяльского)¹ имела большое распространение.

Являясь представителем старой классической русской медицины XIX столетия, врачом в широком смысле этого слова, Буяльский лечил все болезни. Об этом наглядно говорит его Меморандум.

Оглавление Памятной книжки содержит 78 различных наименований. В их числе представлены: внутренние

¹ Глазные капли Буяльского состоят из черемховой воды, сернистого дынка и ония.

Камнедробитель
(винтовой).

и хирургические болезни, акушерские, заразные, первичные, детские, кожные, венерические, глазные и многие другие. Наряду с ними приводятся также средства от «укушения змей», «от застоя и умопомешательства от онога», и даже от «веснушек и загара», «для чернения седых волос», «от моли, клопов и вшей».

Внематочная беременность. (Таблица из работы Бульского).

Не имея возможности подробно остановиться на рассмотрении многочисленных средств и советов, содержащихся в Меморандуме, тем более, что там их имеется около тысячи, я ограничусь только кратким изложением некоторых основных положений (в дополнение к приведенным выше), характеризующих научные воззрения Бульского.

Как известно, теории, господствовавшие в первой половине прошлого столетия, объясняли причину заболева-

ний воспалением, а последнее — результатом действия различных раздражающих факторов. Логическим следствием такого толкования главнейшего вопроса патологии было лечение, при котором основную роль играли активно действующие отвлекающие средства. К ним относились

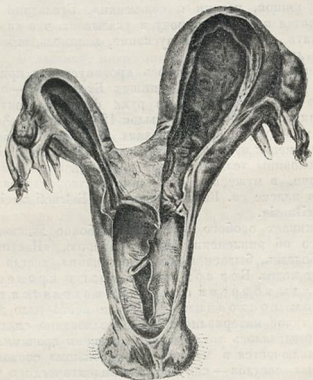

Рисунок двойной матки. (Из патологоанатомических тетрадей Буяльского; рисунок исполнен художником Солнцевым).

прежде всего: пиявки, кровопускание, испанские мушки и слабительные.

Буяльский являлся сторонником такого взгляда на происхождение болезней и широко пользовался в своей практике «противовоспалительными методами». В подтверждение приведу выписку из раздела о воспалении легких. Начинается она следующим важным замечанием:

«Всякому врачу известно, — пишет автор, — что во всех активных воспалениях нашего тела самые верные средства — пиявки, рожки, кровопускания, горчичники, шпанские мушки, смягчающие мази и припарки, также слабительные».

В другом месте, говоря о лечении «воспаления сердца, желудка, кишок, печени и селезенки», Буяльский опять возвращается к этому вопросу и указывает, что «надобно употреблять пиявок, кровопускание, каломель, шпанские мушки и другие».

Особенно часто назначалось кровопускание при апоплексии. «В этой болезни, — пишет Буяльский, — первое лекарство — кровопускание из руки фунт и полтора,¹ второе: пиявок в нос и на затылок 12—18 штук».²

При многих нервных болезнях Буяльский довольно широко применял препараты стрихнина. Он пишет: «В параличе половины тела, в темной воде, в запоре и недержании мочи, в мужеском бессилии, в судорогах разного рода, и в пляске св. Вита назначается *Extracti nucis vomicee spirituosus*».

Заслуживает особого внимания глубокое заключение Буяльского об эпилепсии. По его мнению, «Настоящая падухая болезнь, бываемая без самосознания, всегда происходит от мозга. Без сомнения мозг и кровеносные сосуды вовремя припадка находятся в судорожном состоянии».³ Прежде всего надо заметить, что такое материалистическое толкование «падухой болезни» разделялось тогда далеко не всеми врачами. Но главное заключается в мысли о «судорожном» состоянии кровеносных сосудов — как основе эпилептического припадка. Это предположение нашло свое подтверждение лишь спустя много времени в работах Шнильмейера, а затем в наблюдениях Фёрстера при операциях на головном мозге. В настоящее время, как известно, большинством невропатологов признается ишемическая природа

¹ Количество выпускаемой крови измерялось тогда на вес.

² Во второй половине XIX века русские врачи постепенно отходят от такого «вампиризма», и показания к кровопусканию все более начинают суживаться. Большая заслуга в этом отношении принадлежит С. П. Боткину и его передовой школе.

³ Подчеркнуто мною. (Е. М.).

эпилептических припадков, наступающих в результате спазма мозговых сосудов (Аствацатуров, Кроль и др.).

Борьба с заразными заболеваниями, возбудители которых не были известны, составляла тогда очень трудную задачу и носила чисто эмпирический характер. Каких только ни предлагалось средств в поисках лучших методов лечения. При этом врачи особенно часто обращались за помощью к народной медицине.

Так, Бульский, подробно излагая лечение водобоязни, перечисляет многочисленные народные лекарства, применявшиеся в Сибири, на Украине, в Арзамасе, Орловской, Саратовской губерниях и «других сторонах России». В числе их, между прочим, указываются: крепкий чай из травы Львиный хвост, зеленый мох и даже настой из жуков и кровь «скурей». Остановившись далее на «перемежающейся лихорадке» и ее лечении хиной, автор замечает, что «простой народ после лихорадочного пароксизма употребляет чесночный и луковый сок с водою», а «черный и белый перец от 5 до 15 зерен на прием, через три часа, в свободное от лихорадки время, не уступает хине».

Из заразных болезней Бульским уделяется много места холере, которая при нем два раза свирепствовала в Петербурге¹ и унесла в могилу любимую его дочь Марию Ильиничну. Им перечисляются применявшиеся тогда микстуры, капли и мази, куда входили: селитра, настойки корицы, валерианы, ариика, отвар корня салии и другие средства.

Представляет интерес отдел об «отмораживании членов» и общем «замерзании». Бульский пишет: «Отмороженные члены: щеки, нос, руки и ноги надобно тот же час тереть снегом, льдом и намачивать холодною водою. Точно так же поступать должно с замерзшим и в бесчувственном состоянии находящимся; а когда появятся признаки жизни, тогда надобно тело постепенно согреть».

Обращает на себя внимание замечание автора о необходимости постепенного согревания тела, — взгляд, имеющий и сейчас наибольшее число сторонников. Для перевязы-

¹ В 1831 и в 1853 гг.

вания чистых ран на «отмороженных членах» он рекомендует вяжущие вещества, замечая при этом, что «в деревнях отличное средство — отвар из столченного овса или дубовой коры».

Несомненно особый интерес имеет указание Буяльского о лечении гноящих ран, после отморожения, при помощи *Solutioe Chlorati Calcis diluta*. Я подошел к самому важному месту Меморандума, которое придает ему большую историческую ценность. Речь идет о весьма широком применении Буяльским антисептического раствора хлорной извести. Он употреблял его не только при перевязывании «нечистых ран после отмораживания» и «лишаев на голове», но также для лечения чумы и «гнилостного поноса».

«От чумной заразы» Буяльский рекомендует больному делать «ванны из раствора хлористой извести (*Chlorati Calcis siccuti librum*). Больной голову должен держать вне ванны: ванна покрывается плотно одеялами, смоченными слабым раствором поташа».

При «гнилостом поносе» он советует принимать хлорную воду по 15—20 капель через два часа. Буяльский особо подчеркивает далее значение хлорной извести как средства, предупреждающего заражение. Ввиду важности этой выписки, приведу ее без сокращения.

«Во время scarlatины, оспы, злокачественной жабы, нервных и тифозных горячек для предохранения от заражения других и для поправления воздуха надобно два раза в день брызгать под *Solutione chlorati calcis fortis, aut dilute*».

Совершенно очевидно, таким образом, что Буяльский, задолго до открытия возбудителей болезней, признавал возможность передачи инфекционного начала посредством воздуха и окружающих больного предметов.

Более замечательно, однако, другое. Еще до Листера, Буяльский считал мытье рук хирурга перед операцией раствором хлорной извести наилучшим предохранительным средством от заражения. На 48-й странице его Меморандума мы читаем следующие слова:

«Предохранительное средство от заражения»

Предохранительное средство для операторов, акушеров, навильных бабок, врачей и фельдшеров при операциях, внутрен-

них осмотрах, при перевязываниях ран ишириозных, рако-
видных, венерических и бешеными животными нанесенных,
так при вскрытии мертвых тел, обмывание рук *Solutione*
Chlorati, Calcis forti aut diluta est самое лучшее средство».

Итак, Буальский не только допускал возможность
передачи болезнетворных начал путем непосредственного
контакта и широко применял в своей практике обеззара-

46. *

16. Пречюкринитическое Средство отъ За-
= миссии.

Пречюкринитическое Средство отъ Остри-
ровъ, Ахушерова, Павлинскихъ Туберку-
ловъ и сибиряковъ при Операцияхъ, Всу-
транныхъ Осмотрахъ, при Перевязыва-
нии Смертельныхъ, Ракъ, Вулваръ, Вскри-
тскихъ, и Становитъ Является Лучшимъ
и единственнымъ Средствомъ отъ
Обмывания рукъ *Solutione Chlorati, Calcis forti, aut diluta est самое лучшее Средство.*

Страница Меморандума Буальского.

живающие растворы, но и настойчиво стучался в дверь
хирургической антисептики, которую раскрыл потом
Листер. Уже одно это обстоятельство ставит Илью
Васильевича выше многих выдающихся представителей
медицинской науки прошлого века.

Правда, Буальский говорит лишь о возможности зара-
жения оператора через его руку, а не больного от руки
оператора, но это не снижает исторической ценности его
догадки. Да и сам Листер, как известно, в первых своих
работах еще не упоминает о возможности инфицирования
ран руками хирурга и только впоследствии начинает
настаивать на мытье рук раствором карболовой кислоты.

Бросая общий взгляд на всю хирургическую деятельность Илья Васильевича, нельзя не признать, что в его лице мы имеем выдающегося русского медика, прекрасно сочетавшего обширную практику с научным творчеством. Это тем более важно подчеркнуть, так как основная его работа в течение 33 лет протекала не в условиях академической клиники, а обычной городской больницы. Он является поэтому подлинным образцом больничного врача-ученого, прообразом многих наших хирургов, прославивших себя затем на этом скромном поприще (Тролянов, Спасокукоцкий, Греков и др.). Последнее обстоятельство объясняет также разносторонность интересов Буяльского. Он в равной мере был общепризнанным авторитетом как в области хирургии, так гинекологии, акушерства и других пограничных специальностей. Его по праву надо считать и основателем научной урологии в нашей стране. По количеству сделанных им операций (более 2000) он не имел себе равного между современниками.

Автор многих оригинальных операций, лечебных методов и инструментов Буяльский посвятил свои основные труды важнейшим вопросам хирургии того времени, и прежде всего — кровеносным сосудам, мочевым органам и пластическим операциям. Ему мы многим обязаны за быстрое введение в практику наркотических средств, неподвижных повязок, пропаганду идей переливания крови.

Глубиной своего клинического мышления, виртуозностью оперативной техники и смелым новаторством Буяльский шел впереди западноевропейской медицины. Илья Васильевич — последний и наиболее талантливый представитель большой плеяды русских хирургов конца XVIII и начала XIX веков (Константин Щепин, Петр Погорецкий, Иван Буш, Петр Савенко и др.), которые своим трудом обеспечили высокий уровень развития отечественной хирургии середины прошлого столетия.

* * *

Буяльский вошел в историю русской медицины и как выдающийся анатом-исследователь. Первыми руководителями его по этому предмету были скромные труженики науки, основатели отечественных анатомических школ,— Е. О. Мухин (1766—1850) и П. А. Загорский (1764—1846). Особенно много сделал для Буяльского профессор Петербургской медико-хирургической академии Петр Андреевич Загорский. Автор первого руководства на русском языке («Сокращенная анатомия. 1802»), выдержавшего пять изданий, блестящий лектор, он направлял первые шаги своего талантливого ученика на ученом поприще.

Влечение Ильи Буяльского к анатомии проявилось очень рано, и уже в 1811 г., по окончании второго курса, он определяется помощником прозектора. Исключительное трудолюбие и незаурядные способности, сочетающиеся с искусством препаровки, вскоре делают его лучшим учеником Загорского. Будучи на старших курсах и проводя большую хирургическую работу в клинике, Буяльский не прекращает анатомические занятия. Несколько лет он тратит на приготовление более 100 музейных препаратов, за что награждается в 1818 г. орденом, а еще через два года утверждается адъюнкт-профессором анатомии. К этому времени Буяльский становится уже известным анатомом и получает приглашение на кафедру (1819) в Казанский университет. Вначале он отказался от предложения, но затем по совету родственников решил взять свой отказ

обратно и поехал к попечителю Казанского округа Магницкому, находившемуся тогда в Петербурге. Вот как рассказывает сам Буяльский об этом свидании.

«Как теперь помню, поехал я к нему в день крещения. Принял он меня очень гордо. Это был красивый мужчина, с самоуверенною высокомерною физиономиею и явным самодовольством в каждом движении, рассчитанных на то, чтоб озадачить человека.

— Вы сперва отказались от места, а теперь сами напрашиваетесь. Что же вы думаете, я нуждаюсь в профессорах? Напротив, стоит мне только свистнуть и профессоров явится больше, чем нужно. А вы попробуйте приобрести известность в Петербурге, а потом уже ищите место в Казани.

... Я не вытерпел и сказал ему:

— Явился я к вашему превосходительству потому только, что это место предложено мне от имени г. министра внутренних дел князя Голицына. Что же касается до легкого способа приписывать профессоров, изобретенного вашим превосходительством, то я очень желаю бы, чтоб ваше превосходительство взяли на себя труд свистнуть, только осмеливаюсь думать, что это был бы напрасный труд, так как возможно, что на ваш свист явились бы лакеи с собаками, но едва ли отозвался бы какой-нибудь профессор, уважающий свое звание.

С этими словами поклонился и я вышел. После уже узнал я что Магницкий обиделся и ездил жаловаться Голицыну, но жалоба его осталась без последствий».¹

Так окончилась первая попытка Буяльского занять кафедру.

Начиная с 1821 г. он часто читает лекции вместо больного Загорского и с прежним увлечением занимается анатомией. Работать приходилось в тяжелых условиях. Комнаты для занятий находились в нижнем этаже, освещались масляными лампами и салными свечами и почти не отапливались, так что температура в них зимою держалась не выше 7°.

Усиленные занятия анатомией постепенно истощили крепкий организм Буяльского. Здоровье его заметно пошатнулось, и в 1824 г. он тяжело заболел, заразившись пневмией при бальзамировании трупа, и пролежал около 9 месяцев. Не оправившись как следует после перенесенной болезни, он решил прервать свои анатомические занятия и в 1829 г. уволился с кафедры. Однако через

¹ Цит. по Я. А. Чистовичу. Русская старина, т. 15, 1876.

два года, после отставки Загорского (1833), Буяльский согласился стать его преемником и вновь возвратился в Медико-хирургическую академию. С тех пор, в течение 11 лет, он непрерывно занимал кафедру анатомии.

Как анатом, Илья Буяльский отличался глубоким знанием предмета и в совершенстве владел основными методами исследования, в особенности техникой инъекции сосудов и коррозией. Среди препаратов надо отметить мельчайшую инъекцию артерий век и глаза, прекрасную наливку сосудов языка, головы, лица, легких, желудка, конечностей и других органов. Не было такого отдела, которым бы не занимался Илья Васильевич. Его коррозийные препараты почек, на которых я еще остановлюсь, до сих пор являются непревзойденными, в подлинном смысле художественными произведениями.

Много внимания уделялось им делу создания собственных руководств. Наряду с хирургическими атласами он выпускает ряд анатомических сочинений.

В первый год профессорской деятельности Буяльского в Медико-хирургической академии вышли в свет «Литографированные анатомические рисунки для обучающихся врачебной науке. 1833». Как видно из предисловия, автор задумал широкий план издания. Он пишет:

«Студенты, обучающиеся анатомии при Медико-хирургической академии и университетах российских, чрезвычайно нуждаются в анатомических рисунках, изображающих более мелкие предметы и необходимые для практической медицины, которые, видевши на лекции однажды, трудно удержать в памяти...», и далее: «...Желая облегчить труд моих слушателей, я решился таковые рисунки издавать собственным изданием, которые будут выходить по тетрадам, не означая времени».

Первая тетрадь оригинального анатомического издания состояла из четырех таблиц с подробным описанием строения слухового аппарата и височной кости. Все рисунки, как в этом можно убедиться по приводимому снимку, выполнены с прекрасных препаратов, изготовленных лично Буяльским. Конференция академии, рассмотрев первую тетрадь, поручила профессорам Бушу и Саломону дать заключение. Последние вынесли весьма положительные отзывы, и

академия закупила все издание в количестве 300 экземпляров.¹

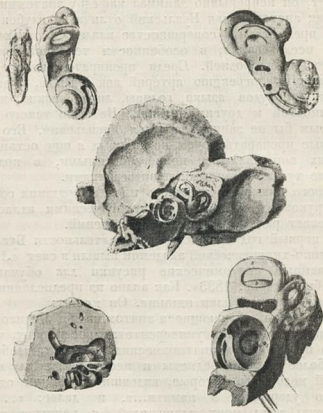

Рисунок правой височной кости и деталей строения внутреннего уха. (Из первой тетради литографированных анатомических рисунков Буяльского).

Широко задуманное и крайне необходимое издание не было, однако, продолжено, что, впрочем, являлось тогда

¹ В настоящее время эти таблицы представляют библиографическую редкость.

нередким явлением. Материальные трудности, связанные с печатанием рисунков, были слишком значительными.

1844 год знаменовался большим событием в истории анатомии. В этом году вышла в свет первая на русском языке «Краткая общая анатомия тела человеческого», вызвавшая горячие споры на страницах печати. Уже сам факт попытки такого рода обобщения являлся безусловной заслугой Буяльского.

Военно-медицинский журнал,¹ отмечая появление новой книги, справедливо указывал: «Анатомия описательная, частная и анатомия общая — две вещи различные. По описательной анатомии мы имеем очень много новых руководств; но много ли эта наука приобрела почти за полвека со времен Биша? Какие-нибудь пара ничтожных мускулов, которым очень недавно пражский профессор Гиртль хотел увековечить свое имя. Общая анатомия совсем другое дело. Не входя в частное строение органов, она рассматривает общие законы строения органических тел, разбирает в этих телах различные ткани и следит за их развитием в целом органическом царстве природы. В таком отношении общая анатомия далеко еще не оконченная наука. Намерение автора было составить краткое, но вместе с тем достойное руководство по этому предмету, и мы совершенно уверены, что он достиг своей цели».

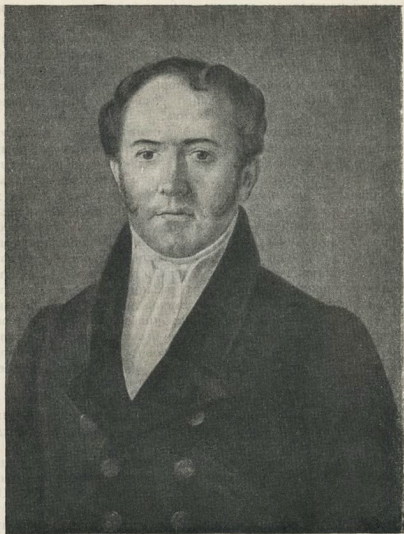
И действительно, несмотря на ряд противоречивых и явно ошибочных положений, «Общая анатомия» Буяльского является выдающимся произведением, и прежде всего — благодаря своим эволюционным мыслям.

Автор открыто стоит на позициях постепенного развития органического мира и неоднократно подчеркивает свой взгляд на природу, как на единое целое. Он пишет:

«Если до сего времени нет верных границ между царствами ископаемым, растительным и животным по причине постепенного перехода или рождения одного царства за другим,² то так же трудно

¹ Военно-мед. журн., № 1, 1844.

² Подчеркнуто мною. (Е. М.).

Редкий портрет молодого И. В. Буазьского, писанный Теребневым.
(Хранится в Русском музее в Ленинграде).

Портрет жены Буальского — Марии Петровны Буальской, исполненный Егоровым. (Хранится в Русском музее в Ленинграде).

подразделить и многообразные части тела на классы». ¹

В другом месте, касаясь развития нервной системы, он заявляет: ² «Начало нервной системы проявляется уже в растениях, ибо видим, что листья и цветы, хотя медленно влекутся, но обращаются к солнечному свету, который составляет нужное для них раздражение. Другие же растения приходят в явное и скорое движение от напесенных им раздражений, например мимоза, но нервов в них мы не находим. Животные простейшей организации, например зоофиты, и некоторые из класса червей, хотя оказывают чувствование и движение, равно как и высшие животные, но в полупрозрачных и студенистых их телах, с помощью микроскопа, ничего не видно подобного нервам, сосудам и мышцам. У некоторых же червей и насекомых приметен нерв, представляющий спинной мозг, от которого в гусенице простираются нервные ветви к другим органам, но мозга у них нет никакого. Мозг начинает показываться у животных хладнокровных. У теплокровных он большой и сложнейший. А у человека — мозг совершеннейший».

Описывая строение органов, Буальский все время проводит сравнительноанатомические параллели, часто обращается к данным эмбриологии и останавливается на возрастных различиях. Замечательно ярким и диалектическим по содержанию является его взгляд на изменчивость человеческого тела в течение индивидуальной жизни.

«Все части тела нашего, — пишет он, — как жидкие, так плотные и твердые, начиная с минуты рождения, или, лучше сказать, с минуты зачатия и до самой смерти, беспрестанно изменяются в объятности, форме, строении и пр.». И, далее: «... в нас происходит внутреннее и беспрестанное движение, посредством которого наши органы, повидимому, с одной стороны, тратятся и разрушаются, а с другой, вознаграждаются и приобретают новую силу. Это возобновление наших составных начал составляет одно из главных действий жизни, или даже, можно выразить, — составляют самую жизнь». ³

¹ Краткая общая анатомия, стр. 18, 1844.

² Краткая общая анатомия, стр. 149 и 150, 1844.

³ Краткая общая анатомия, стр. 148, 1844.

Как далеки эти взгляды от господствовавших тогда в анатомии метафизических воззрений, в частности Кювье, полностью исключавшего всякое истинное развитие.

В первой половине прошлого столетия среди натур-философов и естествоиспытателей имела большое распространение в целом прогрессивная идея «единства плана строения» всех организмов, основанная на достижениях сравнительной анатомии и палеонтологии. Буяльский выступает сторонником такой теории и считает, что: «...ископаемые, растительные и животные организмы имеют сходство в своем устройении».

Следует, однако, здесь же отметить, что автор «Общей анатомии» по своим убеждениям является идеалистом-виталистом, в основном последователем русского шелленианца Велланского.

Буяльский делит тело человека на ткани и органы. Первых у него почти в половину меньше, чем у Биша, всего только 12, органов же или орудий — 9 (под последними он понимает системы), из них 5 — органов внешних чувств и 4 — «жизненных отправления» (дыхания, пищеварения, мочевые, половые).

Весьма интересны мысли автора об изменчивости строения одних и тех же анатомических образований у разных лиц. В противоположность догматическому понятию о неизменной «идеальной норме», общей для всех, он считает, что даже «самые большие стволы артерий, равно как и вены, подвержены природным отклонениям или изменениям в отношении их числа и объема. Некоторые же утверждают обратное».

Далее он, однако, оговаривается, что «важнейшие органы тела всегда имеют постоянное устройство».

Объем настоящей работы не позволяет мне подробно рассмотреть фактический анатомический материал, имеющийся в руководстве Буяльского. Эту интересную задачу я предоставляю будущему составителю истории анатомии в нашей стране, потребность в которой назрела давно. Отмечу лишь наиболее важные места.

Несмотря на общий характер изложения, Буяльский приводит много деталей, подчеркивая их прикладное значение, чего нет в современных ему руководствах Загорского, Мухина и других анатомов. Чувствуется, что

КРАТКАЯ
ОБЩАЯ АНАТОМІЯ
ТЪЛЪ ЧЕЛОВЪЧЕСКАГО.

Издана

Заслуженный Профессоръ Анатоміи и Академикъ, Докторъ Медицины и Хирургии, Филадельфскаго Философическаго въ Америкѣ, и различныхъ ученыхъ обществъ членъ, Дѣятельный Статскій Советникъ и Кавалеръ С. Владимира 3-й; С. Анны съ короною 2-й; и С. Станислава 1-й Степени.

И. Бульскій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Конрада Шнейдера.

1844.

Титульная страница «Краткой общей анатомии»
Бульскаго.

книгу писал большой хирург-практик. Каждый раздел ее заключается подробным перечислением «анатомопатологических состояний». Анатомия у Буяльского всегда занимала подчиненное положение. Естественно поэтому, что такие важные в хирургическом отношении отделы, как кровеносные сосуды, изложены им наиболее полно и с глубоким знанием дела.

Очень важно, в частности, замечание автора о портокавальных анастомозах и их роли в происхождении геморроя.

Он пишет:

«Соединение ветвей почечуйной внутренней вены (*v. haemorrhoidalis int.*) с ветвями седалищных вен бывает то больше, то меньше. При большом соединении, без сомнения, кровь свободнее может из геморроидальных жил протекать в подчревные вены, а оттуда в полую нижнюю, и тем напор и застаивание крови уменьшать, а следовательно и геморроидальные припадки облегчать. И наоборот, если соединение сих жил бывает малое, то кровь должна застаиваться, а следовательно и геморроидальные припадки будут сильнее. Никакого нет сомнения, что большее или меньшее соединение сих жил должно иметь большое влияние на геморрой».

Вообще вены описаны со многими интересными подробностями; в частности имеется указание об их иннервации.

Замечательно изложены взгляды автора на вегетативную систему, которая выделяется им под названием «система нервов узловых». Все нервы рассматриваются как единое целое, и обращается особое внимание на обилие связей между вегетативными, спинальными и черепнонозговыми. Он высказывает весьма интересную мысль о контролировании головным мозгом вегетативных процессов. Как известно, это положение впервые было экспериментально доказано уже после смерти Буяльского нашим русским физиологом В. Я. Данилевским.¹

Менее удачно представлены, так сказать, «чисто анатомические» разделы (кости, связки), содержание которых местами заимствовано у Загорского. Встречаются и явные ошибки, например утверждение, что «сердце — главнейший орган движения крови и кроветворения», хотя процессы кроветворения были уже известны. Вопросы гистологии изложены крайне схематично, не отражали достижений

¹ Х. С. Коштоянц. «Очерки по истории физиологии в России». Стр. 399, 1946.

науки его времени и вызвали справедливую критику. Буальский, в частности, совсем не упоминает о клеточной теории.

И все же нельзя согласиться полностью с Таренецким,¹ что «Краткая анатомия» издана с «предвзятой целью, второях и вовсе не соответствовала современному состоянию науки». Такая оценка неправильна и явно тенденциозна.

Несмотря на все недостатки, руководство Буальского содержит много оригинальных и прогрессивных идей, которые безусловно принесли большую пользу нашей медицинской науке.

Как курьез, можно указать на замечание Буальского по поводу имеющихся в учебнике опечаток. Приведя две «погрешности», автор пишет, что «...прочие ошибки сам читатель может поправить».

Свое сочинение Буальский представил на соискание премии имени Загорского, но комиссия под председательством Пирогова отклонила его.

Рассматривая анатомические труды Буальского, надо отметить, наконец, его известную работу о сосудах почек, которую действительно можно отнести к классическим. «Фотографические рисунки выравненных артерий и вен почек человеческих» (1863), вышедшие за три года до смерти автора, как бы подводят итоги всей его блестящей анатомической деятельности. Он и посвящает их «Врачам и любителям анатомии на память».

Коррозионные препараты, которые Буальский делал еще в молодости (1817—1825), «когда нибудь должны изломаться, — пишет он, — и весь труд пропадет; да и теперь никто их не видит, а потому мне хотелось срисовать и отпечатать».

А труд действительно был затрачен огромный. Чтобы оценить его, достаточно указать, что на изготовление препаратов он потратил восемь лет; причем из 300 сделанных инъекций Буальский оставил только 13, признанных им удавшимися. Кстати, препараты эти сохранились и уже более 125 лет украшают музей Военно-медицинской

¹ А. Таренецкий. «Кафедра и музей нормальной анатомии». 1895. (Исторический очерк).

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ РИСУНКИ

ВЫТРАВЛЕННЫХЪ

АРТЕРІЙ И ВЕНЪ ПОЧЕКЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ,

САЩЕЛЪКЪ И ЧЕЛѢКЪ КИТАЙСКОГО

СНІТЪКЪ СЪ ПРЕПАРАТОМЪ

Профессора Аювакыи,

КАНЦЕРА НЕКОТОРЫХЪ И АНГРИНЪ,

ТАКАГО СОВѢЩАЮЩАГО

ИЛИ БУИЬСКАГО,

СЪ ПОДРОБНЫМЪ ОПИСАНІЕМЪ СПОСОБА ПРИГОТОВЛЕНІЯ ТАКИХЪ ПРЕПАРАТОВЪ.

Рисованы на вапсъ, и отпечатаны литографіею въ Литографіи Александра Минстера.
1862 года.

BESSINS PHOTOGRAPHIQUES.

DES ARTÈRES ET DES VEINES HUMAINES, DES VEINES CHINOISES.

Faits d'après les préparations, de

Professeur d'anatomie, docteur en médecine et chirurgie,

Conseiller privé

Elie Boujalsky.

Avec une description détaillée de la manière de les préparer.

Dessinés sur papier, et imprimés en couleurs dans la lithographie de Mre Alexandre Minster.
1862.

С. ИСТЕРИКАТЪ

Титулярна А. Яковлева и №
1863.

Титульная страница из работы Буаьского о коррози-
онных препаратах почек.

академии им. С. М. Кирова. Рассматривая их, и теперь невольно поражаешься изумительной технике наливки и мастерством обработки.

В своем сочинении автор подробно описывает мето-

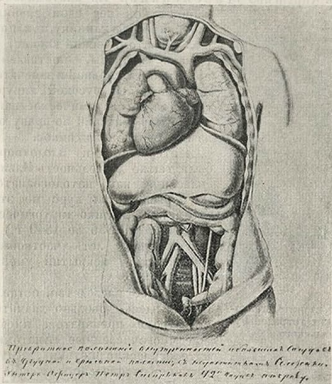
«Сосуды почки». Фотография препарата Буальского.

На снимке надпись: «Фотографический рисунок] Arteries et Venes renales ex carnates, снятый с моего препарата, потом раскрашен. С него литографировано и отпечатано 1200 экземпляров».

дику и приводит три цветных рисунка. Последние, как он справедливо замечает, навсегда останутся оригинальными, ибо лучше быть не могут. По свидетельству современников, посетивших заграничные университеты, они

«видели подобные препараты, но так тонко налившихся и удачно вытравленных — не видели».

Остальные анатомические работы Буяльского представляют собой небольшие статьи, посвященные отдельным

Анатомический рисунок Буяльского с подписью:

«Превратное положение внутренних и больших сосудов в грудной и брюшной полости, с недостатком селезенки. Унтер-офицер Петр Сибиряков, 42 лет от роду».

вопросам, в частности уродствам и «превратным положениям». Следует еще отметить написанное им «Руководство врачам к правильному осмотру мертвых человеческих тел для узнания причин смерти».

В заключение нельзя не признать, что анатомические

труды Буяльского, в том числе и «Краткая общая анатомия», не имели в общем такого большого успеха, как его хирургические атласы. Это объясняется тем, что изучение анатомии служило для Буяльского только средством «к достижению окончательной цели, т. е. совершенствования в хирургии» (Таренецкий). Из анатомического кабинета он нес свои знания в

Рисунок из патологоанатомических тетрадей Буяльского.

Под рисунком подпись: «1855 года, апреля, 4-го дня, в 3 часа пополудни принесены в воспитательный дом два младенца женского пола, сросшиеся между собою головами. При крещении названы Марии. Скончались того же 1855 года вскоре один после другого 16 мая».

вообще во все области своей многогранной научно-практической деятельности Буяльский всегда вносил что-то новое. Он считался единственным врачом, в совершен-

кабинета он нес свои знания в хирургическую клинику, из клиники шел в анатомический кабинет разрешать вопросы, поставленные практикой. Основной и замечательной традицией русской хирургии является ее анатомическое направление и Буяльский по праву один из его основоположников.

Интересной и плодотворной была также деятельность Ильи Васильевича как патологоанатома. Он первый читал курс по этому предмету в Медико-хирургической академии (с 1836 по 1840 г.) и в течение ряда лет участвовал в производстве вскрытий умерших больных.

Научное наследство, оставленное им здесь, довольно значительное. Кроме препаратов, имеются еще многочисленные «Анатомико-патологические рисунки», заслуживающие специального рассмотрения. Буяльский опубликовал около 40 работ по различным вопросам патологической анатомии¹ и один из первых стал готовить у нас микроскопические препараты.

¹ Список этих работ приведен И. Коровниковым в «Кратком историческом очерке кафедры патологической анатомии Военно-медицинской академии». СПб., 1898.

стве владеющим искусством бальзамирования, и изобрел для этой цели свой способ.¹ Примечательны в этом отношении данные, сообщаемые Таренецким.

Конференция академии в те годы усиленно интересовалась вопросом консервации трупов и даже поручала своим членам (проф. Савенко, а затем проф. Бересу) войти в договор с берлинским врачом Гольфельдом — не желает ли он открыть русскому правительству свой секрет бальзамирования. Вскоре конференция получила предложение от иностранца Дютфоя забальзамировать

Рисунок из патологоанатомических тетрадей Буяльского.

Под рисунком подпись: «Голова женщины, жившей в С.-Петербурге в исходе прошедшего 1800 столетия, с большими висящими наростами на щеках, подбородке и на левом веке. Голова оной хранится в спирте, в анатомическом кабинете С.-Петербургской имп. медико-хирургической академии. Эту женщину нечаянно встретил император Павел I и был сильно поражен ее уродливостью, приказал определить ее в богадельню».

в виде опыта ребенка. «Тогда Буяльский обращается с такой же просьбой о разрешении ему произвести подобные опыты по своему способу и в доказательство пригодности его представляет конференции го-

¹ Мед. вестн., № 28, 1846.

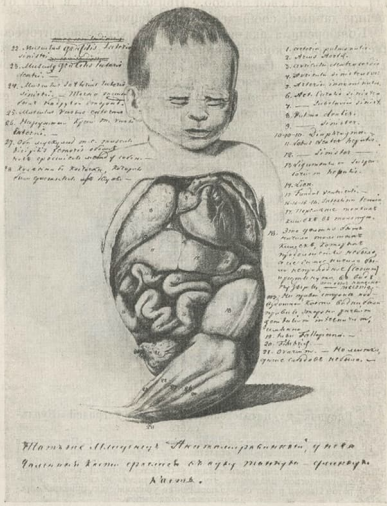

Рисунок из патологоанатомических тетрадей Буяльского.
 «Младенец, у которого обе ноги срослись в одно остроконечие, похожее на тонкий палец». На рисунке видны многочисленные пометки Буяльского.

лову ребенка, бальзамированную в 1817 г. и оставленную им у себя дома, ничем не прикрытую, в течение 24 лет. Конференция могла воочию убедиться, что свои доморощенные бальзамировщики знакомы с делом не хуже заграничных и она постановила передать голову в музей и прекратить дальнейшие попытки к покупке секретных способов».

Этот случай наглядно показывает, насколько в те времена отдавали предпочтение всему иностранному. Открытия своих русских ученых обычно оставались в тени, и надо было обладать настойчивостью Буяльского, его любовью к отечественной науке, чтобы добиться признания своего метода бальзамирования, который не только не уступал, но и превосходил зарубежные.

Как педагог, Илья Васильевич любил свое дело и занимался им до глубокой старости. Чистович считает его «одним из тех классических типов, у которых любовь к науке не отделяется от любви к учащимся». В проведении занятий он был настолько аккуратен, что за 30 лет преподавательской работы в Медико-хирургической академии не пропустил ни одной лекции. Когда однажды студенты спросили его во время распутицы будет ли он на следующий день, Буяльский ответил: «Буду-с, хоть на лыжиночке, а перееду».¹ (Буяльский жил за Невой, а Литейного моста тогда еще не было).

При чтении курса он обращал особое внимание на топографическую анатомию и подчеркивал значение ее для практики. Лекции его всегда сопровождалась демонстрацией препаратов.

В 1844 г. Илья Васильевич подал рапорт в конференцию академии о том, что 20 августа истекает срок его службы, но он находится «еще в полной силе и может продолжать службу». Конференция поддержала его ходатайство, но, несмотря на это, в конце года последовал высочайший ответ: «Уволить академика Буяльского от должности преподавателя академии, считать его кафедрю

---

¹ Н. Ф. Здекауер. Русская старина, т. 15, 187

вакантною и приступить к избранию нового преподавателя. Так пришлось оставить Буяльскому дорогую ему Медико-хирургическую академию. Однако педагогическая деятельность его на этом не прекратилась.

* * *

Академия художеств в начале XIX столетия.

Не многим известно, что большую часть своего педагогического труда выдающийся хирург отдал Российской академии художеств, где в течение 35 лет, почти до последних дней жизни, преподавал анатомию.

Эта сторона его деятельности осталась почти вовсе не освещенной. Не нашла она своего отражения и в биографических очерках, написанных о Буяльском его современниками (Чистович, Оранский).

Вместе с тем, период работы Ильи Васильевича в Академии художеств был не только плодотворным, но и почетным. Его творческое содружество с лучшими предшественниками искусства обогатило русскую хирургическую литературу прекрасными атласами, которые принесли заслуженную славу нашей науке. Буяльский привлек к своей работе виднейших мастеров кисти и резца того времени, и среди них — профессоров А. Е. Егорова, В. К. Шебуева, Ф. Г. Солнцева, А. Г. Ухтомского, Н. И. Уткина и др. К этому остается добавить, что скульптор П. В. Кузнецов и выдающийся ваятель Петр Клодт, пользуясь анатомическими препаратами, специально приготовленными Буяльским, создали по ним, в подлинном смысле слова, художественные произведения, украшающие по сие время музеи двух академий.

Сближению Буяльского с художественным миром способствовало одно обстоятельство. Еще с детства он увлекался рисованием и по окончании семинарии мечтал о дальнейшем совершенствовании своих незаурядных способностей. Будучи уже врачом, Буяльский не оставлял своего увлечения, о чем свидетельствуют многочисленные рисунки, сделанные умелой рукой автора с больных и препаратов. «Всякая редкая форма, встреченная среди анатомических занятий или в хирургической практике, тотчас набрасывалась им на бумагу в верном снимке, с точным обозначением, где и по какому поводу сделан рисунок».¹

В музее кафедры оперативной хирургии Военно-медицинской академии хранятся две тетради рисунков Буяльского, большая часть которых выполнена им самим. Среди них имеются замечательные экземпляры, сделанные карандашом и акварельными красками.

Первые знакомства с живописцами он завязывает еще задолго до своего поступления в Академию художеств.

Академик живописи Солицев в своих ранних воспоминаниях, относящихся к 1815—1817 гг., так описывает свое знакомство с Ильей Васильевичем, с которым он работал затем в течение полувека.

«С Буяльским я познакомился по следующему случаю. Однажды он обратился к А. Е. Егорову² с предложением рисовать разные операции, какие производил Буяльский, и вообще анатомические препараты. Егоров отказался и отрекомендовал меня, как такого молодого человека, который нарисует несколько не хуже его самого. Буяльский согласился, и тут же пригласил меня явиться к нему на другой день, часов в 7 утра. При этом Егоров заметил Буяльскому, что мне ехать не в чем. „...На дворе холодно, а казенная-то шинелька не очень греет“. „Ну я пришло шубу“, — сказал Буяльский.

С этого времени я постоянно рисовал у Буяльского до самой его смерти».³

Эта выписка, характеризующая кипучую натуру молодого исследователя, приглашающего художника «к 7 часам

¹ Я. А. Чистович. Русская старина, т. 15, 1876.

² А. Е. Егоров (1776—1851) — профессор исторической живописи Академии художеств.

³ Русская старина, т. 15, 1876.

утра), интересна еще и с другой стороны. Повидимому, уже тогда, в ранний период своей хирургической деятельности, у него зародилась мысль о составлении атласов. В противном случае он едва ли стал бы делать предложение «рисовать операции» виднейшему живописцу Егорову.

Так или иначе, но в эти и последующие годы Буяльский сближается с Академией вольных искусств и привлекает к работе над «Анатомико-хирургическими таблицами», кроме Солнцева, ряд других молодых талантливых рисовальщиков и граверов (Иванов, Чернецов, Зайцев, Иордан, Афанасьев и др.), в том числе и профессора Уткина.

Подготовка к изданию первого русского атласа по оперативной хирургии, естественно, была сопряжена с большими трудностями. Опыта в этом отношении еще никакого не имелось. Буяльский составлял таблицы весьма тщательно. Все они рисовались только с натуры, со специально приготовленных им препаратов и во время операций. Автор поставил перед собой цель создать оригинальное произведение и поэтому не пользовался никакими другими руководствами.

В связи с этим интересно замечание Солнцева. Указывая на то, что рисунки для атласа Буяльского были сделаны с анатомических препаратов, он далее пишет: «В последствии я рисовал у профессоров медицины Савенко, Саломона и других; но эти лица на трупах ничего не показывали, а просили перерисовать только из разных анатомических изданий».¹

На составление первой части задуманного издания, посвященной «перевязыванию больших артерий», потребовалось в общей сложности более 10 лет.

К этому времени Буяльский приобретает уже большую известность не только среди врачебных кругов, но и художественных, и воспитанники Академии трех искусств начинают приезжать к молодому выдающемуся профессору для изучения анатомии.

Так, например, видный художник Р. А. Ступин (один из основателей Арзамасской школы живописи середины

¹ Русская старина, т. 15, 1876.

XIX столетия) в прошении на имя Совета академии художеств, поданном в 1829 г., доносит о своем усовершенствовании по анатомии. Последнее состояло «... в приобретении более познаний по той части, которой посвятил себя я, занимаясь в Медико-хирургической академии под руководством и по препаратам доктора г. Буальского». ¹ Естественно поэтому, что, когда в 1831 г. президент Академии художеств Л. Н. Оленин решил ввести для учащихся «класс анатомии», он остановил свой выбор на «известном отличными познаниями и опытностью профессоре Буальском». ²

Так осуществилась юношеская мечта Ильи Васильевича, и он поступил в желанную академию, но уже не в качестве воспитанника, а преподавателя.

Прежде чем рассмотреть его деятельность на новом поприще, приведу краткую историческую справку. Академия художеств учреждена в 1758 г. В 1764 г. Екатерина II утвердила устав академии, в одной из глав которого было записано: «Обучать анатомии столько, сколько нужно знать художнику: в летнее время остеологии, а в зимнее миологии». Однако до 1831 г. анатомия не преподавалась, и воспитанники, «... окончившие свое ученье в академии и посланные в чужие края для усовершенствования, посещали анатомические театры в чужих краях».

Таким образом, Буальский явился в Академии вольных искусств первым профессором анатомии. Дело было новое, все приходилось начинать сначала, и он с присущей ему энергией берется за эту интересную работу.

Подробно составленная программа так определяла объем вводимого курса: «Исторические живописцы и скульпторы, желающие достигнуть возможного совершенства в изображении человека, непременно должны обучаться анатомии, разумеется несравненно в меньшем пространстве, как требуется для врачей. Однако им должно знать: остеологию, верхние мускулы и сухие жилы, верхние вены и другие немногие части тела, которые из-под кожи более или менее видны бывают, и художники изображают оные на своих картинах и изваявают на статуях».

¹ П. Корнилов. Казанский музейный вестник, № 1, 1924.

² Отчет Имп. академии художеств за 1831 г.

Помимо чтения лекций,¹ Буяльский оборудует «в одной из отдаленных комнат нижнего жилья, под сводом специальный класс», где проводятся практические занятия на «настоящих анатомических препаратах». Для этой же цели из «бумажного теста» приготавливаются в большой человеческий рост копии с известных анатомических статуй Гудона, Фишера и Козловского,² которые раскрашиваются затем в натуральные цвета масляными красками под наблюдением «испытанного по сей части художника» профессора живописи Шебуева. Указанные муляжи, как это видно из отчета академии, имели еще и другую задачу, а именно: «приучить учащихся смотреть без отвращения на анатомические подготовки или препараты».

По предложению президента Оленина Илья Васильевич одновременно составляет курс анатомии для художников, а Шебуев делает к нему оригинальные рисунки. Однако на «издание оных потребовалась большая сумма, и предприятие сие осталось неисполненным». Осуществить эту задачу ему удалось лишь спустя 30 лет.

Совершенное знание предмета и любовь к искусству вскоре дали Буяльскому общее признание. Лекции его всегда привлекали много слушателей, в числе которых нередко бывали и профессора академии. «Буяльский, — пишет в своих воспоминаниях Солнцев, — читал свой предмет превосходно, с воспитанниками занимался внимательно; он привозил на уроки гипсовые слепки с трупов или даже части трупа и препарировал при нас. Молодежь всегда с большим любопытством и уважением слушала объяснения почтенного доктора-учителя, который, к тому же, часто высказывал дельные замечания и по части искусства». Такую же высокую оценку педагогических способностей Буяльского мы находим и в отчете прези-

¹ Лекции читались Буяльским летом один раз в неделю по четвергам от 3 до 5 часов пополудни. «Зимною же на кадаверах три раза в неделю по понедельникам, средам и пятницам по утру от 9 до 11 часов». Ц. Г. И. А. Л., ф. 789, оп. 1, д. 56.

² М. П. Козловский (1753—1802) крупнейший русский ваятель, автор скульптуры фонтана «Самсон» в Петродворце и памятника Суворову около Кировского моста в Ленинграде.

дента Академии художеств, читанном им в 1833 г. в публичном собрании.¹

«Сведущий и досужий г. профессор анатомии Буяльский преподавал сей курс с таким успехом, что академики, проходившие оный, в последний сделанный им экзамен не токмо основательно могли отвечать на все вопросы, по всем частям анатомии для художников, но даже многие из них объясненное словесно доказывали правильно в лицах, мелом на черной доске, как показывают математические задачи. Сим новым и любопытным явлением в делах академии я хотел заключить мой отчет».

Практические занятия состояли в «курсе на кадаверах» и в зарисовке «с натуры скелета, мускулов и вен»,² а также статуй и муляжей, которыми все время пополнялся созданный кабинет.³

Так, сообщая правлению Академии художеств об окончании второго курса анатомии, Буяльский писал:

«Честь имею донести правлению, что в течение первых пяти месяцев сего 1833 года, пройдены мною и остальные части анатомии для художников: 1-е — показаны на кадаверах мускулы лица, шеи, рук и ног, с некоторыми связками; 2-е — показаны кровезовратные жилы или вены, налитые зеленым воском на шею, на лбу, на руках и ногах, и передняя височная артерия, все сии части учащиеся рисовали с натуры; 3-е — дано краткое понятие о галловом черепословии. Наконец делал я повторение по билетам из всей анатомии и об успехах учащихся прилагаю при сем на обороте список».⁴

Изучением анатомии Буяльский заинтересовал не только учащуюся молодежь, но и представителей старшего поколения художников. В фондах Русского государственного музея в Ленинграде хранятся прекрасные рисунки, сделанные с анатомических препаратов руками известных живописцев того времени (Брюллова, Басина, Чернецова

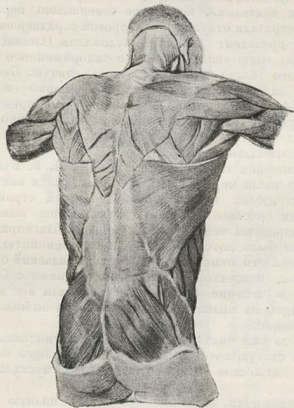
¹ Отчет президента Имп. академии художеств с 1817 по 1834 гг. СПб., 1834.

² Худож. газ., № 4, 1836.

³ «Буяльский, кроме того, водил учеников в Эрмитаж и указывал им на статуях и картинах ошибки в анатомии». (Е. М. Р. о. з. «Егоров». Изд-во Искусство. 1947).

⁴ П. Г. П. А. Л., ф. 789, оп. 1, д. 56.

и др.). Среди них особенно выделяются 16 зарисовок Басина,¹ воспроизводящие мышцы лица, шеи, груди, живота, спины и конечностей и являющиеся образцом подлинного мастерства в передаче анатомической натуры.

Мышцы спины. (Рисунок карандашом художника Басина с препарата Бюяльского).

Бюяльский постоянно совершенствовал преподавание. Однако нехватка анатомического материала и трудности доставки его из одной академии в другую естественно

¹ П. В. Басин (1793—1877) — известный художник, профессор живописи Академии художеств.

наводили на мысль приготовить такую модель мышечной системы человека, которая бы представляла точную копию препарированного тела. Это являлось желательным еще и потому, что существовавшие анатомические статуи (Гудона, Козловского и др.), несмотря на исполнение опытными ваятелями, все же не совершенно передавали натуру и страдали отсутствием «строгой соразмерности».

И вот президент Академии художеств Оленин подает Буяльскому идею «снять форму с замороженного препарированного тела»¹ и по ней отлить статую. Буяльский находит затею «возможной к исполнению» и зимой 1836 г. берется за ее осуществление. Но предоставим слово «Художественной газете», которая подробно знакомит своих читателей с ходом и результатом этой совершенно оригинальной работы.

«В нынешнем году, в январе месяце, И. В. Буяльский выбрал из числа мертвых тел, доставленных в анатомический театр, один мужской кадавер самый стройный, и дав членам красивое и вместе поучительное положение, велел заморозить, чему и погода вполне благоприятствовала. Тело было потом внесено в препарационную залу — поверхность его немного оттаяна, и г. Буяльский с своими адъюнктом, прозектором и его помощником с большим тщанием в течение 5 дней отпрепаровали все мускулы в настоящей их полноте, выносив, смотря по надобности, тело на мороз.

Вслед за сим снята была с препарата гипсовая форма и отлита статуя, которая представляет лежащее на спине стройное мужское тело с верхними мускулами (без кожи).

Все художники, видевшие ее, отдали полную похвалу как красивому и умному расположению членов фигуры, так и искусству, с каковым сохранена пропорция полноты частей и их форма».²

Так появилась знаменитая и единственная в своем роде статуя «Лежащее тело», которая до сих пор служит прекрасным пособием к изучению пластической анатомии. Изготовление ее явилось большим событием в жизни

¹ Отчет Имп. академии художеств за 1835—1836 гг.

² Худож. газ., № 4, 1836.

Бронзовая статуя — «Лежащее тело».

На постаменте ее высечены слова: «На замороженном теле препаровал профессор анатомии Илья Буяльский и по снятии под его наблюдением формы отлил из бронзы профессор скульптуры барон Петр Клодт».

Академии художеств, «коему примера нигде и никогда не было». Буяльскому на торжественном годичном собрании академии была объявлена «совершеннейшая благодарность». Президент Оленин сделал распоряжение об отливке нескольких таких же статуй для лондонской, парижской и других академий, дабы «не скрыть пред ними имени того знаменитого хирурга, которому мы обязаны лучшим анатомическою статуею, ныне существующею в Европе».

В связи с этим нельзя не отметить один интересный факт. Известно, что Пирогов является творцом «ледяной анатомии». Его знаменитый «Атлас распилов замороженных трупов» начал выходить в свет в 1852 г., а текст к нему, с подробным описанием нового оригинального метода, был опубликован лишь в 1859 г.

Нисколько не умаляя достоинств Пирогова, надо все же отметить, что Буяльский еще в 1836 г., правда, совсем с другой целью, но уже применил действие холода при обработке анатомического материала.

«Лежащее тело» — плод коллективного труда. Помимо Буяльского, в работе принимали участие художник Сапожников,¹ снявший гипсовую форму, и виднейший скульптор — профессор Петр Клодт,² отливший статую из бронзы.

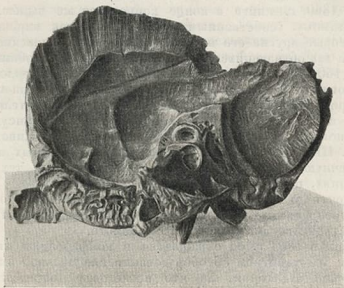
Вообще надо сказать, что и тот и другой содействовали Буяльскому во многих его начинаниях. Сапожников, в частности, еще ранее делал рисунки к изданию анатомических тетрадей, посвященных органу слуха.³ Клодт также оставил анатомии еще один прекрасный памятник — в несколько раз увеличенную височную кость, резанную из целого куска дерева, которая и сейчас украшает анатомический музей Военно-медицинской академии. Особенно хорошо выполнено Клодтом внутреннее ухо с полукружными каналами.

¹ А. П. Сапожников (1795—1853) — почетный член Академии художеств. За приготовление формы статуи он также получил благодарность от президента. (Рукописный отдел Г. П. Б., архив Собко).

² П. К. Клодт (1805—1867) — засл. профессор Академии художеств; автор известных скульптур коней на Анничковом мосту и памятника Крылову в Летнем саду Ленинграда.

³ «Литографические анатомические рисунки для обучающихся врачебной науке». Тетрадь 1-я. СПб., 1833.

С неменьшим искусством русским резчиком Кузнецовым сделана из липы еще одна модель височной кости, состоящая из 120 склеенных отдельных частей. Буяльский, повидимому, вообще увлекался анатомией уха, так как в его личном собрании имелись кроме того увеличенные бронзовые модели слуховых косточек.

Увеличенная модель височной кости, резанная по дереву Петром Клодтом. Верхняя часть пирамидки удалена и видны полукружные каналы.

В тридцатых годах Буяльский приступает к составлению третьей части задуманного им большого атласа по оперативной хирургии, посвященного на этот раз каменной болезни. К работе над таблицами, как и раньше, им привлекаются известные художники — профессора и академики живописи и гравёрного дела (Солицев, Иванов, Уткин, Ухтомский, Нордан). В 1840 г. «Анатомико-хирургические таблицы вырезывания и разбивания мочевых

камней» были подготовлены к печати,¹ однако этот труд также увидел свет только спустя 12 лет.

В конце пятидесятых годов Буяльский вновь пытается издать давно подготовленное им руководство для художников и обращается к президенту академии с просьбой отпустить ему для этой цели 2068 руб. 68 коп. Однако полученный ответ гласил, что «расходы на издание анатомии академия взять на себя не может».²

В 1860 г. книга в конце концов все же вышла, но, повидимому, «собственным иждивением», как впрочем и некоторые другие его произведения. «Анатомические записки для обучающихся живописи и скульптуре», обнимающие 160 страниц текста, подробно излагают остеологию, миологию и более кратко — ангиологию. Интересна глава о «пропорциональности и размере человеческого тела».

К книге отдельным изданием прилагаются 6 рисунков большого размера, исполненных профессором живописи В. К. Шебуевым. Три из них изображают в разных позах мышечную систему тела. Остальные три, в тех же позициях, показывают положение скелета.³

Почти до последних дней жизни Буяльский не только вел преподавание в Академии художеств, но и заботился об устройстве анатомического кабинета.

Так, в 1863 г. он обращается в конференцию академии с ходатайством об оборудовании специальной анатомической аудитории, на что последовало определение: «Мнение преподавателя анатомии г. профессора Буяльского об устройстве анатомической аудитории утвердить и сообщить комиссии о перестройке здания академии».⁴

¹ В отчете Имп. академии художеств за 1839—1840 гг. сказано: «Академик Угломский занимался гравированием рисунков для СПб. Медико-хирургической академии, относящихся до операции каменной болезни».

² П. Н. Петров. Сборн. материалов для истории Имп. академии художеств за 100 лет. 1866.

³ Эти рисунки представляют теперь библиографическую редкость. Один экземпляр их хранится в Фунд. библиотеке Академии художеств.

⁴ П. Н. Петров. Сборн. материалов для истории Имп. академии художеств за 100 лет. 1866.

Он же в 1865 г. через инспектора классов добивается разрешения на бесплатную выдачу нуждающимся воспитанникам своего учебника. Конференция определила: «Выдать г. преподавателю тайному советнику Буяльскому десять экземпляров изданных им *Анатомических записок* для раздачи бедным ученикам, обязанным слушать курсы анатомии».¹

Илья Васильевич Буяльский, как отмечает Чистович, был одним из тех людей, у которых «любовь к науке не отделяется от любви к учащимся». Только тяжелая болезнь прервала его преподавательскую деятельность в Академии художеств. Это произошло на 77-м году жизни ученого, всего лишь за два месяца перед его кончиной...

* * *

¹ Ц. Г. И. А. Л., ф. 789, оп. 14, д. 916.

3

Много энергии и сил отдал Буяльский и делу создания у нас в России своего хирургического инструментария. В течение 12 лет (1829—1841) он состоял управляющим Петербургским инструментальным заводом, где широко проявился организационный талант его многогранной натуры.¹ Свидетельством этой стороны общественной деятельности Ильи Васильевича являются многочисленные документы, сохранившиеся в архивах.

Петербургский инструментальный хирургический завод (ныне з-д «Красногвардеец») был основан еще в 1719 г. по указу Петра I. Вначале существовала небольшая мастерская, которая в 1763 г. перевелась во вновь построенное здание и стала именоваться фабрикой, а в последующем — заводом. С 1802 г. инструментальный завод был подчинен Медицинскому совету и возглавляли его виднейшие хирурги Медико-хирургической академии (Буяльский, Пирогов, Наронович). В дальнейшем, с развитием производства, директорами являлись уже инженеры, а хирурги привлекались в качестве консультантов. Так исторически сложилась тесная связь между инструментальным заводом и Военно-медицинской академией, которая продолжается и до сих пор.

---

¹ В прежних биографиях о Буяльском эта сторона его деятельности вовсе не нашла отражения. Настоящий раздел написан по материалам Государственного исторического архива Ленинградской области (Г. П. А. Л. О.).

Буяльский получил назначение управляющим Петербургским инструментальным хирургическим заводом 8 января 1829 г.¹ и сразу приступил к большим нововведениям.

Продукция завода была явно недостаточной и не удовлетворяла потребностей ни гражданского, ни военного ведомств. Многие приходилось ввозить из-за границы по дорогой цене. Особенно нехватало хирургических наборов, число которых было весьма ограничено. Острая нужда чувствовалась в аптечной посуде.

Буквально через несколько дней после прихода на завод, не успев еще как следует с ним ознакомиться, Илья Васильевич приступает к созданию нового «особого отделения для делания оловянной аптечной посуды». Под мастерскую отводится «отдельно стоящий домик вблизи Ботанического сада», покупаются токарные станки и другое оборудование. Для заведывания оловянной мастерской приглашается мастер Цвик, который обязуется по контракту «...обучать в течение двух лет деланию мензур, гельмов² и прочей гладкой аптечной посуды, также шприцев: больших, детских, маточных, горловых, для ран и с тупыми концами, по данным образцам, от двух до восьми человек казенных учеников, так, чтобы они знали мастерство сие в совершенстве».³

Таким образом Буяльский не только открывает новое производство, но и prepares по этой специальности своих отечественных мастеров. Он обращается с прошением в Штаб военных поселений прислать ему для этой цели «8 рядовых из кантонистов». Кантонисты были присланы, но почти все оказались калеками: четырех из них пришлось вернуть обратно, а пятого направить прямо в госпиталь. Вот какие диагнозы получили они после осмотра: «обе ноги в ступнях кривые от рождения», «на правом глазу большое бельмо», «правой ногой худо владеет от рождения» и даже «маломыный».⁴ 1 июня 1829 г. оловянная мастерская все же начала работать.

¹ Г. И. А. Л. О., ф. 1244, св. 154, л. 42, 1829.

² Аптечная посуда.

³ Г. И. А. Л. О., ф. 1244, св. 156, л. 17, 1829.

⁴ Г. И. А. Л. О., ф. 1244, св. 152, л. 23, 1829.

Рабочих на заводе находилось мало, всего около 80 человек, и они не справлялись с заказами. Среди них, однако, имелись такие виртуозы — мастера своего дела — как Петр Потапов, Алексей Завьялов, Яков Харин, Тимофей Трофимов и др. Буяльский набирает большое число учеников и приступает к подготовке молодых инструментальщиков. С этой же целью им организуется специальный «рисовальный класс». 12 сентября 1829 г. он обращается в Медицинский департамент со следующим прошением:¹

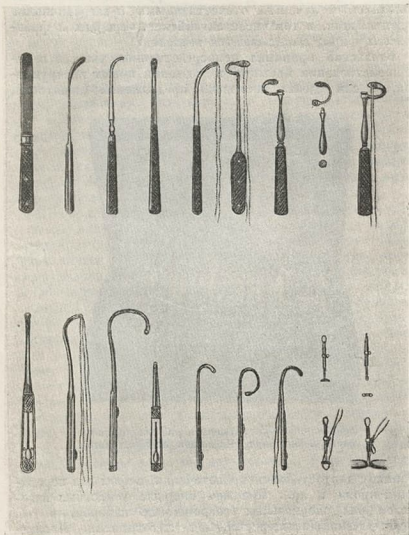
«Для надлежащего образования и усовершенствования мастеровых в знании хирургических инструментов, а особливо аковных и деликатных, каковые находятся между глазными и некоторыми другими инструментами, необходимым почитаю, чтобы всех молодых, находящихся в заводе, учеников, коих с имеющими скоро поступить будет 56 человек, обучить рисовать и чертить, а особливо хирургические инструменты. Занятие сим художеством познакомит их с названиями линий и углов и выучит употреблять линейку, треугольник и циркуль, которые для них весьма нужны, а чрез сие сделает руки их способными к тонким работам. Мне кажется, что сим единственным средством ученики с хорошими способностями скоро могут усовершенствоваться в своем искусстве и дойти до изящества. Посему нужно учредить рисовальный класс, учителю коего, сообразно с другими заведениями, положить в год жалованье 600 рублей».

В январе 1830 г. рисовальный класс был открыт. Занятия в нем велись два раза в неделю. Пособие для учеников (рисовальную книгу Строганова) Буяльский выписал из Москвы за свой счет, так как департамент отказал в деньгах. Класс просуществовал ровно два года и подготовил 40 хороших мастеров. Кроме того, Буяльский отдал на три года в обучение «вольным мастерам» двух человек в столяры, двух — в футлярщики, двух — в бандажисты и одного — в серебрянники.²

Особое внимание уделял он совершенствованию хирургических наборов. Им создается при заводе «кабинет об-

¹ Г. И. А. Л. О., ф. 1244, св. 154, л. 61, 1829.

² Г. И. А. Л. О., ф. 1244, св. 153, л. 29, 1829.

Набор инструментов для перевязывания сосудов, предложенный
Буальским. (Из атласа Буальского).

разцовых прежних и новейших инструментов», постоянно пополняемый лучшими отечественными и заграничными экземплярами, в том числе английских, немецких и французских фирм; выписываются каталоги.¹

Буальский принимал непосредственное участие в совершенствовании прежних и создании новых инструментов, и сам сделал несколько предложений (лопаточка,

Зубной набор инструментов работы русского мастера Потапова. (Из коллекции Буальского).

турникет для остановки кровотечения, сифон для переливания крови и др.). При нем впервые у нас был изготовлен ряд специальных современных наборов, в том числе: глазной, акушерский, для литотрипсии. Последний, в частности, состоял из 20 различных инструментов, многие из них очень сложной конструкции. Опытные образцы были сделаны русским мастером Тябиным, и искусством отделки нисколько не уступали усовершенство-

¹ Г. П. А. Л. О., ф. 1244, св. 155, л. 1, 1832.

ванному набору Гертелу. Комиссия, состоящая из лейб-медика Арендта и профессоров Буша, Саломона и Пеликана, с похвалой одобрила представленные инструменты и рекомендовала их к производству для пополнения «Полного губернского набора».¹

Много сделал Илья Васильевич и для обеспечения армии современными хирургическими наборами (корпусными, полковыми, батальонными). Он специально запросил военное ведомство о количестве воинских частей, кораблей и госпиталей и создал на заводе необходимый запас инструментов.² За время его деятельности ассортимент и качество аппаратов и инструментария намного возросли. Достаточно указать только, что заводом выпускалось более 25 различных специальных наборов.

В июне 1835 г. в Москве открылась вторая выставка «Российских мануфактурных изделий», за участие в которой завод получил премию. Представленные им новые наборы (анатомических инструментов, для переливания крови, «выпучивания ядов из желудка» и для разбивания камней в мочевом пузыре) «знатоками и публикою найдены отличной отделки».³ И действительно, рассматривая теперь эти и другие образцы,⁴ сделанные прекрасными мастерами того времени (Потановым, Завьяловым, Харинным и др.), поражаешься искусству их изумительной работы. Полированная сталь и сейчас блестит как никель, лезвия ножниц ходят бесшумно, а скальпели остры, как бритвы. Многие инструменты отделывались с излишней роскошью (серебром, золотом, перламутром, слоновой костью) и стоили очень дорого. Так, например, глазной набор расценивался в 660 рублей ассигнациями.⁵ Драгоценные металлы ежегодно получались с Монетного двора. Футляры обивались сафьяном и бархатом, а слоновая кость хранилась на заводе пудами.

Условия работы были тогда крайне тяжелыми. Рабочий день продолжался 12 и более часов, заработная плата —

¹ Г. И. А. Л. О., ф. 1244, св. 156, л. 2, 1838.

² Г. И. А. Л. О., ф. 1244, св. 156, л. 15, 1838.

³ Г. И. А. Л. О., ф. 1244, св. 156, л. 2, 1833.

⁴ Часть наборов хранится в музее кафедры оперативной хирургии Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова.

⁵ Г. И. А. Л. О., ф. 1244, св. 157, л. 30, 1840.

низкой. Буяльский уже с первых месяцев своего пребывания на заводе проявляет много заботы о быте рабочих, улучшает условия их труда, добивается увеличения жалованья.

В своем обращении к начальству он писал:

«Мастера и подмастерья знают свое дело весьма хорошо, к должности своей рачительны, обучают учеников и кантонистов весьма усердно, отчего ученики в полтора года оказывают успехи весьма большие. Поведения хорошего. Следует в силу этого прибавить жалованья, так как мастера и подмастерья получают весьма мало и не могут содержать себя со своими семействами».¹

Жалованье рабочим повысили. Мастера стали получать... от 15 до 25 рублей в месяц.

Буяльский неоднократно хлопочет о детях рабочих и добивается для них бесplatного обучения в школе. Так, например, в июне 1829 г. он доносил в Медицинский департамент:

«Находящийся в заводе мастер Алексей Завьялов, получающий в год 270 рублей жалованья, искусством своим как по общему всех мастеров мнению, равно и по его работам действительно есть один из наилучших, о чем уже известно его превосходительству г. директору департамента. Он, Завьялов, имеет 5 детей: 3 дочерей и 2 сыновей. По бедному своему состоянию не в силах платить за обучение их; почему во уважение отличного его искусства в делании самых деликатных и сложных хирургических инструментов, равно и бедного его состояния я обязанностию моею поставляю покорнейше просить его превосходительство большую милость, именно обоих его сыновей, Василия и Александра, определить в Аптекарскую школу на казенное содержание».²

Такие же ходатайства посылались им о приеме детей кузнечного мастера Карпова, Афанасьева, Трофимова и др. Он несколько раз добивался премирования рабочих. В частности, за выполнение срочного заказа в 1830 г.

¹ «Краткий Исторический очерк 225-летия з-да „Красногвардеец“», составленный под руководством Е. П. Сергеевой. Ленинград, 1946.

² Г. И. А. Л. О., ф. 1244, св. 153, д. 26, 1829.

на хирургические инструменты для Кавказского отдельного корпуса Буяльский исходатайствовал 2000 рублей на награду 27 мастеров, подмастерьев, учеников и кантонистов.¹

В заключение приведу еще один документ, ярко характеризующий заботу Ильи Васильевича о рабочих и его настойчивость в этом деле. В 1840 г. он обращается в Провиантский департамент со следующим прошением:

«Мастеровые завода не получают натурою провианта, и по причине дороговизны хлеба нуждаются в пропитании, почему Инструментальный завод покорнейше просит Провиантский департамент разрешить отпуск за деньги из казенного магазина для мастеровых».

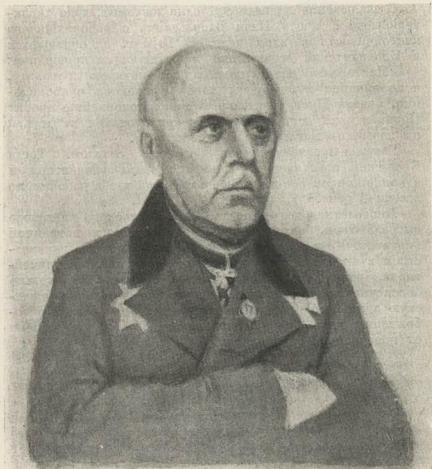
Генерал-провиантмейстер ответил отказом. Тогда Буяльский обратился к самому генерал-губернатору и в конце концов все же добился продажи хлеба рабочим по казенной цене.²

Многолетняя деятельность И. В. Буяльского на заводе сыграла очень большую роль в развитии отечественной хирургии. Крупные успехи, достигнутые под его руководством в производстве и совершенствовании инструментария, ранее ввозившегося из-за границы, не только обеспечивали гражданское медицинское ведомство и русскую армию современными наборами, но и вели к освобождению этой сложной отрасли нашей промышленности от иностранной зависимости.

* * *

¹ Г. И. Л. А. О., ф. 1244, св. 154, л. 6, 1830.

² Г. И. Л. А. О., ф. 1244, св. 157, л. 1, 1840.

П. В. Буальский в старости.

Для полноты характеристики образа Буяльского мне остается еще, хотя бы кратко, осветить мировоззрение ученого и обрисовать его как человека. Окончив, как известно, «философический» курс семинарии, он и в дальнейшем сохранил интерес к этой науке и в своих работах неоднократно прибегал к широким обобщениям. Мною уже приводились мысли Буяльского о природе, человеке и их развитии, высказанные им в его «Общей анатомии». Отдельные положения имеются также и в других работах автора. Наиболее полно, однако, он изложил свои философские взгляды в специальном произведении: «Человек, рассматриваемый в анатомико-физиологическом отношении» (1862).¹ Примечательна судьба этой небольшой статьи. Написана она была еще в начале сороковых годов и включена им в «Общую анатомию» под названием «Краткие понятия о человеке»² (1844). Но после напечатания книги, повидимому по требованию цензуры, данный раздел ее был вырезан и увидел свет лишь спустя 18 лет.

Прежде чем обратиться к этой работе, надо отметить, что на формирование взглядов Буяльского оказал большое влияние первый и видный у нас натурфилософ, последователь Шеллинга и Окэна, профессор физиологии Медико-хирургической академии Даниил Михайлович Вел-

---

¹ Врачебная газета «Друг здоровья», № 7, стр. 49—54, 1862.

² Что это одна и та же статья, показывает ее подзаголовок, напечатанный в конце «Общей анатомии», в таблице. Он слово в слово воспроизводит подзаголовок статьи, опубликованной в 1862 г.

ланский¹ (1773—1847), лекции которого Илья Васильевич слушал, будучи студентом, и вспоминал затем до глубокой старости. Об отношении ученика к своему учителю красочно говорит также и тот факт, что Буяльский был инициатором сооружения памятника² на могиле Велланского, а в его личном музее хранилась гипсовая голова русского философа.

Автор работы «Человек, рассматриваемый в анатомико-физиологическом отношении» выступает в этом труде как идеалист, последователь Велланского. Схема его рассуждений довольно проста. В природе повсюду действует невидимая сила. Эта всеобщая жизненная сила проявляется в виде четырех категорий, а именно: электричества, магнетизма, химизма и гальванизма. Весь мир, по его мнению, есть «единая и величайшая электромагнитная машина». Такими же «удивительными машинами» являются и все животные, в том числе и человек. Больше того, части нашего организма, как то: мозг с нервами, сердце с сосудами и кровью, легкие с воздухом и т. п., есть тоже малые электро-гальванические машины. Последние находятся в неделимой связи, и не могут существовать одна без другой, как не может действовать «электро-гальваническая машина без разнородных металлов и жидкостей».

Человеческий организм состоит из тела и «первоначальной невидимой силы», т. е. души. При этом душа составляет главную сущность, а «бренные частицы тела суть только орудия, коими она действует». После всего этого автору остается решить последний, основной вопрос, и он отвечает на него со всей откровенностью убежденного идеалиста-вitalиста. «Все видимое и невидимое нами мироздание и части оною, т. е. все миры, все планеты, все живущее на земле (в том числе и человек), все создано единою силою». «Человек, — пишет Буяльский, — есть творение высочайшего, нами непостижимого божества».

¹ Биография Д. М. Велланского и разбор его трудов приводятся К. Веселовским (Русская старина, 1901) и Х. Коштоядцем. (Очерки по истории физиологии в России, 1946).

² Живое участие в постановке памятника принял известный писатель и философ В. Ф. Одоевский (1803—1869).

Естественно поэтому, что и в своих общественно-политических взглядах автор далек от всяких социальных реформ и призывает: «...покоряться законной власти и изданным ею постановлениям, которые охраняют собственность, здравие и жизнь всех и каждого из нас., и такой человек есть истинный образ и подобие бога».

Как далеки все эти реакционные суждения от передовых взглядов русских революционных демократов, призывающих в то время к борьбе против самодержавия.

Положительными моментами философского трактата Буяльского являются его мысли о единстве и бесконечности мира, о развитии природы и человека. Так, например, он замечает: «Все беспредельное мироздание есть единое целое. Каждая планета одна другую поддерживает, и одна другую существует. Человек, как и все живущее на земле, есть часть своего целого, своей солнечной системы, почему и находится в неделимой связи с оною, и без действия оной ни одной минуты существовать не может». И далее: «Воздух, вода и все ископаемые представляют собою только материальную сторону всеобщей жизни. Растительное царство составляет уже переход из материального состояния покоя в движение — в явную жизнь. Животные представляют и материальную и начало идеальной жизни, и потому они одарены чувственностью, но не имеют суждения, которым одарен исключительно один человек».

Таково, в общих чертах, содержание труда «Человек, рассматриваемый в анатомико-физиологическом отношении». По существу, он не содержит оригинальных идей, а повторяет мысли главным образом Велланского и других натурфилософов-идеалистов.

Вместе с тем нельзя не отметить, что, будучи крупнейшим врачом-практиком, постоянно имеющим дело с фактами, идеалист Буяльский стихийно приходит к отдельным материалистическим положениям, особенно в своих более ранних работах. Выше отмечалось уже его верное высказывание о патогенезе эпилепсии. В подтверждение приведу еще одну выписку: «Главнейшее преимущество человека, — пишет он, — составляет мозг — орган всех наших душевных способностей и качеств».

Безусловным достижением Буяльского являются и его

мысли об изменчивости органов тела человека в течение индивидуальной жизни и о роли опыта в процессе познания. Так, говоря о сечении живых животных, он подчеркивает, что последнее «...служит большим пособием к изъяснению многих действий живого организма». Все его работы (анатомические и клинические) и их выводы покоятся на твердых фактах, и объективно он являлся противником объяснений, основанных на простом «умствование» без анатомии и физиологии».

* *
*

По свидетельству современников, Илья Васильевич был человеком большой воли. Характер имел прямой, правдивый и ровный, лести не выносил и «никогда не хвастал ни трудом, ни талантом» (Чистович). Исполнительный, строгий к себе, он был требовательным и к ученикам. Говорить Буальский много не любил, нередко был хмурым, вид имел горделивый и внушительный, хотя в жизни был доступен. Небольшого роста, полноватый, он пешком обычно не ходил. Носил мундир, до старости брился и вообще тщательно следил за своей внешностью.

Буальский был богатым человеком и крупным помещиком. Достаточно указать, что у него в Петербурге было три собственных дома¹ и имения в Самарской и Новгородской губерниях.

Он сам издавал и распространял некоторые свои книги, на которых имеется надпись: «Издано собственным изданием».

Например, распространением «Анатомико-хирургических таблиц» ведал сам автор, что видно по следующему объявлению: «Г. г. врачи, желающие получить сию книгу, благоволят адресоваться в С.-Петербург на имя надворного советника Ильи Васильевича Буальского, Литейной части, по Сергиевской улице, близ Таврического сада, в собственном его доме, под № 625, с ясным прописанием, куда именно оную доставить».²

¹ Буальский имел в Петербурге два каменных дома (один на Сергиевской, другой на Итальянской улицах) и один деревянный (на Сергиевской улице).

² Военно-мед. журн., ч. 2, № 1, 1828.

Буяльский пользовался широкой популярностью среди всех слоев петербургского населения и имел огромную частную практику, которой занимался до старости. Как рассказывает А. П. Левашова, бедных он лечил бесплатно и никогда не отказывал в совете. Нередко после обеда ему подавалась лошадь, и он выезжал к ним на квартиры. Зато с богатых всегда брал, и брал много. «С богатых я беру всегда много, иначе я не мог бы лечить бедных», — не раз говорил он своим детям. В числе его пациентов были видные представители дворянской и дворянской знати.

Буяльский обладал очень ценным личным музеем, собиравшимся в течение полувека и состоящим более чем из 3000 различных предметов (рисунков, препаратов, приборов, муляжей, инструментов и др.). В нем находились только лучшие образцы, сделанные отечественными и иностранными мастерами, в области анатомической и инструментальной техники. Одних инструментов насчитывалось 132 ящика (около 1400 штук), из них серебряных около 4 фунтов весом. Интересна коллекция мочевых камней, состоящая из 325 штук, из которых 223 удалены Буяльским. Примечательно собрание алебастровых голов и масок, в числе которых имелись маски Петра I, Наполеона I, Суворова и др.

Часть из препаратов сделана самим Буяльским, который заботился о пополнении домашнего музея значительно больше, чем академического. В связи с этим небезинтересна следующая выдержка из книги Таренецкого: «Бросается в глаза, — пишет он, — что такой неутомимый инструктор и препаратор, как Буяльский, во все время своей профессоры не поставил в музей почти ни одного собственного препарата. Мы не можем себе объяснить эту странность иначе, как предположением, что Буяльский, приступая в это же время к составлению своего собственного, домашнего музея, приложил все свои старания к его обогащению и мало заботился об академическом кабинете. Может быть, что к только что затронутому нами обстоятельству отчасти относится в высшей степени важное постановление конференции, которое мы нашли в протоколах за 1843 г. От 28 сентября 1843 г., под № 8575, приводится предписание попечителя в ответ на представ-

ленное ему решение конференции: «...постановляемое конференциею, по примеру Академии Наук, правило, воспрещающее профессорам и прочим лицам, заведывающим казенными учебными кабинетами, заводить собственные, по тем частям коллекции, утверждается с тем, чтобы, независимо от этого правила, были составлены подробные описи и каталоги всем учебным кабинетам и библиотекам Академии и хранились бы в конференции».

Прав Таренецкий или нет в своих подозрениях, сказать трудно. Во всяком случае Буяльский подарил академии свой богатейший музей в день 50-летнего юбилея. «Оставляя ныне поприще медицины, — писал он конференции, — я желал бы, чтобы это мое собрание — плод трудов всей моей жизни — перешло в наследство Медико-хирургической академии». ¹

По природе Илья Васильевич был коллекционером, у него, например, в кабинете стоял минералогический шкаф, который он систематически пополнял (из рассказов Левашовой).

Буяльский был другом баснописца Крылова, последний часто заезживал к нему и посвятил даже стихотворение:

«Имениннику Илье Васильевичу Буяльскому.

Тебя я не видал, но знаю:
Ты человечество живишь...
Чего же я тебе желаю?
Того, чем ты других даришь.

Чтобы двело все оживленьем,
Чтоб мир был в теле и в сердцах...
Я не парю воображеньем,
Но чту везде — добро в делах».

Это восьмистишие было напечатано в газете «Северная пчела» ² со следующим интересным пояснением: «Знаменитый наш хирург и оператор, заслуженный профессор и академик И. В. Буяльский оказал несколько раз пособие нашему великому баснописцу Ивану

¹ Военно-мед. журн., № 44, 1864.

² Северная пчела, № 16, 1848.

Андреевичу Крылову, и они более двадцати лет находились в самых дружеских отношениях. И. А. Крылов всегда обедал в семейном кругу И. В. Буальского в день его именин, 20 июля; но в 1836 г. не мог явиться к обеду, и И. В. Буальский получил, через незнакомого ему человека, пакет, в котором находились стихи, подписанные: «Неизвестный». Когда через несколько дней И. А. Крылов появился в семействе И. В. Буальского, все стали приставать к нему, чтоб он сознался, не он ли прислал стихи. Крылов улыбался и отвечал: «Не знаю... слишком плоховаты, но намерение доброе». Но каковы бы ни были стихи, а они, по всей вероятности, Крылова, потому что хотя он и хотел изменить почерк, но не умел, а только поставил буквы покрупнее. Когда нам на-днях показали подлинник, мы, не зная дела, тотчас узнали почерк И. А. Крылова».

После смерти Крылова Буальский снял с него гипсовую маску, хранившуюся у него в личном музее.

Буальский очень интересовался литературой, искусством, любил живопись и хорошо в ней разбирался, был знаком с поэтом Жуковским и известным артистом Каратыгиным. Илья Васильевич в числе многих врачей (Арендт, Даль, Задлер, Саломон, Спасский, Шольц) лечил Пушкина после дуэли.¹ Долголетнее общение с художниками сделало многих из них близкими друзьями Буальского. В числе их были такие крупнейшие мастера кисти, как Брюллов и Егоров. Последний, в частности, написал прекрасный портрет жены Буальского, который и сейчас украшает стены Русского государственного музея в Ленинграде.² Там же хранится и редкий портрет Ильи Васильевича, исполненный академиком Теребневым.

Буальский был хорошим семьянином. К детям относился строго, но справедливо, и они его любили. Семья у него была большая: жена — Мария Петровна, урожденная Дросард, три дочери — Александра, Софья и Мария и три сына — Алексей, Василий, Петр. Кроме того, двое старших детей умерли в младенчестве. В рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина сохранилось интересное письмо И. В. Буальского на имя Скобелева³ с просьбой разрешить его детям посещать Таврический сад.

¹ Русская старина, т. 28, стр. 531, 1880.

² А. Е. Егоров писал портреты очень редко и только ему лично хорошо известных лиц.

³ И. Н. Скобелев (1778—1849) генерал от инфантерии, комендант Петропавловской крепости.

В мае 1842 г. он писал: «Ваше превосходительство Иван Никитич, покорнейше прошу вас исходатайствовать для моего семейства у его высокопревосходительства Опочинина¹ билет для входа в Таврический сад через оранжерею. За целостность цветов я совершенно ручаюсь за мое семейство. За такую его высокопревосходительство милость Эскулап сохранит его здоровым и невредимым до 99 годов — на сотом году он немощко прихворнет, да еще проживет годов 20, а там как заблагорассудится».

После смерти любимой жены, с которой он прожил «23 года 8 месяцев и 6 дней» (собственноручная запись П. В. в «Месяцеслове»), Буяльский всю свою привязанность обратил к дочери Марии Ильиничне. Последняя горячо любила отца, воспитывала младших братьев и даже отказалась от замужества.

Дети Буяльского ничем особенным не выделялись, никто из них не пошел по пути отца, но почти все имели большие способности к рисованию, что также передалось и некоторым внукам (А. П. Левашова-Буяльская и ее брат). Один из его сыновей — Алексей Ильич — дожил до глубокой старости и умер на 91-м году жизни (1912).

Илья Васильевич отличался крепким здоровьем и почти не болел. Стариком был очень подвижным. Табаку не употреблял, запах его не выносил и не раз высказывал недовольство тем, что все его сыновья курили. Он даже опубликовал в 1865 г. специальную статью «О вреде от излишнего употребления табаку»,² которая приобрела большую популярность и перепечатывалась многими журналами. В ней он, между прочим, писал:

«Я покорно прошу всех докторов, занимающихся практикою, при пользовании больных, страдающих хронической головною болью, тягостью в груди, одышкою, сердцебиением, перемежающимся пульсом и мужеским бессилием, обратить внимание на их гигиенический образ жизни; непременно излишнее курение табака причиною их болезни».

¹ Ф. П. Опочинин — обер-гофмейстер, в ведении которого был Потемкинский дворец и Таврический сад с оранжереей.

² «Мед. новости», № 45—48, 1865.

Он также утверждал, что человек одарен долговременною жизнью, и что здоровье надо искать не в «реторгах, колбах и травах, а в умеренной и строгой жизни».

Близких своих Буяльский всегда лечил сам. Когда заболел его первый внук, он тотчас же выехал на перекладных из Петербурга в Новгород, но, приехав на место, застал ребенка умирающим и очень горевал, что не прибыл раньше и не смог его спасти (из рассказов Левашовой).

* * *

Оценивая всю деятельность Ильи Васильевича Буяльского, надо признать, что это был выдающийся врач, ученый-новатор, первый русский хирург, получивший своими трудами широкую известность не только в нашей стране, но и за ее пределами. «Буяльский, — справедливо замечает Оппель, — это авторитет европейской величины». ¹ В его лице мы имеем блестящего представителя анатомического направления в хирургии, которым она так выгодно отличалась у нас с первых шагов своего пути.

Роль Буяльского в развитии отечественной медицины, хирургии в особенности, огромна. Основная историческая заслуга его состоит в том, что он показал, каких больших успехов достигла уже русская хирургия и что ее представитель может стать выдающимся ученым. За границей Буяльский не был, и своими знаниями деликом обязан профессорам Медико-хирургической академии, воспитавшим его, и непрерывному самосовершенствованию в течение всей жизни.

Деятельность Ильи Васильевича была исключительно многогранна. Помимо преподавания в двух петербургских академиях (медико-хирургической и художеств), он в то же время состоял главным консультантом-хирургом Мариинской больницы, оператором царскосельского лицея, главным доктором всех кадетских корпусов и управляющим инструментальным заводом.

---

¹ Буяльский был избран членом многих заграничных обществ, в том числе Филадельфийского философического в Америке.

«Просто надо удивляться, — справедливо замечает Тарнецкий, — как один человек мог выполнить подобную массу сложной, умственной и физической работы, работы, полной разных душевных тревожений, успевая при всем этом не только правильно вести свои лекторские обязанности, но и публиковать ряд во всех отношениях выдающихся учебных работ».

Пожалуй, нет такой отрасли медицины, которой он не коснулся бы в своих исследованиях. Хирургические и анатомические темы чередовались у него с акушерскими, физиологическими, терапевтическими, гигиеническими, судебно-медицинскими, фармакологическими и историческими. Такой большой кругозор не всеми был правильно оценен и даже вызвал упрек в печати со стороны одного из современников — терапевта Гржимало.¹ Вместе с тем многосторонность тематики показывает не только широту научных интересов Бульского, но и отражает обширность его деятельности как врача-практика.

Илья Васильевич был истинным патриотом своего отечества и народа. Всю свою долгую жизнь он посвятил борьбе за процветание русской науки. Достаточно указать, что все свои труды он печатал только на родном языке. Тогда, в николаевскую эпоху, это было совсем необычным явлением. Многие ученые, в том числе и врачи, под давлением насаждаемого сверху угодничества перед западом помещали свои работы только в заграничных изданиях.

Военно-медицинский журнал, описывая торжества 50-летия врачебной деятельности «знаменитейшего хирурга своего времени», «маститого патриарха русской медицины», приводит приветствие юбиляру, начинающееся такими словами: «Ваши заслуги человечеству всем известны и ваше имя во врачебной практической деятельности сделалось непреложным авторитетом».² И действительно, Бульский воплотил в себе все лучшее, что было в русской хирургии в первой половине XIX столетия и стоит во главе ее первой отличной школы, созданной Бушем. В истории нашей хирургии до Пирогова он занимает, безусловно, первое место.

¹ Московская мед. газ., № 44, 1863.

² Военно-мед. журн., 1864.

П. В. Бузальский в день своего 50-летнего юбилея врачебной деятельности.

— Вообще у этих выдающихся ученых было много общего: и Пирогов и Буяльский — блестящие хирурги и анатомы, оба они глубокие мыслители, склонные к философским обобщениям, оба большие новаторы и администраторы. И все-таки Пирогов на голову выше Буяльского. Буяльский был только лучшим хирургом своего времени, главным образом практиком, отразившим передовые достижения науки. Пирогов же глубиной своих теоретических обобщений намного опередил современников и предвосхитил ряд открытий, сделанных после него. В этом его гениальность и основное превосходство перед Буяльским.

Я уже не говорю о том, что Пирогов создал военно-полевую хирургию, в то время как Буяльский не был ни на одной войне. Пирогов — автор многих оригинальных операций, методов исследования и классических руководств.

Наконец, он являлся большим общественным деятелем.

В связи с этим нельзя не остановиться, в кратких словах, на отношениях между двумя хирургами.

Когда восходит солнце, говорится в пословице, меркнут самые яркие звезды. Так случилось и с Буяльским, когда в Петербурге появился Пирогов. Там, где ранее безраздельно господствовал авторитет одного Буяльского, теперь все больше стал слышаться голос Пирогова. Известность его как ученого росла с такой же быстротой, с какой меркла слава стареющего Буяльского. Даже должности Буяльского стали переходить к Пирогову. Не успел он в 1841 г. оставить инструментальный хирургический завод, как туда приглашается Пирогов.

Буяльский все это, конечно, хорошо понимал и переживал.

И вот между двумя выдающимися людьми постепенно началась борьба. Стоит только просмотреть протоколы конференции Медико-хирургической академии, особенно за 1844 г., чтобы убедиться, как часто сталкивались их мнения. Шла ли речь об утверждении Прозорова в звании ординарного профессора или о выборности ученого секретаря, точки зрения Пирогова и Буяльского на эти и другие вопросы были различными, причем последний часто имел за собой большинство голосов. Я не вхожу в детали

этой борьбы. Отмечу лишь, что она скоро вышла за пределы академических споров только двух людей и превратилась в борьбу сторонников Буяльского со сторонниками Пирогова. Больше того, нельзя не прийти к глубокому убеждению, что она вызывалась не столько самими знаменитыми хирургами, сколько именно их последователями.

Этим обстоятельством и можно объяснить тот факт, что с уходом Буяльского из академии в конце 1844 г. борьба «групп» в конференции не прекращалась. Наоборот, наибольшего своего напряжения она достигла в 1848 г., т. е. спустя почти четыре года после увольнения Буяльского.

Я подошел к самому тяжелому моменту в жизни конференции академии, когда противники Пирогова через посредство известного журналиста-провокатора Фадея Булгарина бросили ему, совершенно незаслуженно, ложное обвинение в плагиате, которое в конечном итоге легло пятном на биографию Буяльского. Большинство авторов, писавших о Пирогове (Оппель, Штрайх и др.), начиная с Таренецкого, основным виновником этой некрасивой истории прямо называют Буяльского, и только Колосов придерживается иного взгляда.

Началась она еще в 1844 г., с выборов профессора по частной патологии. На освободившееся место было выдвинуто два кандидата. Нелюбин и Всеволодов предложили экстраординарного профессора П. Д. Шинюлинского; Пирогов и его единомышленники — доктора Лихтенштета. Голоса разделились, и выборы были отложены до 1848 г.

Незадолго перед новыми выборами в газете «Северная пчела» появились хвалебные фельетоны (29 ноября 1847 г., 11 февраля 1848 г.) о Шинюлинском и его изобретениях. На одном из заседаний конференции, после зачитания указанного фельетона, Пирогов и еще некоторые профессора высказали мнение, что заметки эти написаны не без помощи самого Шинюлинского, мечтавшего стать ординарным профессором.

Слухи об этих разговорах дошли до редактора «Северной пчелы» Булгарина, и он написал в конференцию Академии скандальное письмо, в котором взял под свою защиту Шинюлинского и наговорил много дерзостей в адрес Пирогова. Дело дошло до военного министра, и последний заставил Булгарина письменно извиниться перед Пироговым. Но в тот же день, одновременно с извинительным письмом, Булгарин поместил в своей газете (10 марта 1848 г.) новый фельетон, в котором незаслуженно обвинил Пирогова в том, что он якобы в своем «Курсе прикладной анатомии человеческого тела» заимствовал текст и

рисунки у Чарльза Белля. Пирогов, глубоко возмущившись возведенной на него клеветой, подал в конференцию Академии заявление, в котором сообщал, что он передает дело в суд. Академия Наук специальным письмом академика Бэра¹ полностью восстановила честь Пирогова и потребовала от Булгарина публичных объяснений. В частности, Бэр предложил Булгарину заявить, что «...упомянутые им места и рисунки из сочинения Белля о человеческой руке находятся отнюдь не в творении профессора Пирогова, а только в критической статье об этом сочинении, помещенной г. Сенковским² в «Библиотеке для чтения за 1844 г.». Булгарин был вынужден пойти на понятную, и в своем ответе, опубликованном через 10 дней,³ всячески изворачивается под прямыми вопросами Бэра. Интересно, однако, другое.

В данном ответе впервые упоминается имя Буяльского, что и дало повод в дальнейшем Таренецкому причислить Буяльского ко всей этой грязной истории.

«Мы убеждены, — пишет Булгарин, — что О. И. Сенковский не есть переводчик сочинения Белля, но что к нему прислана готовая статья одним из тех медицинских его сотрудников, которые так несправедливо и с таким ожесточением напали на анатомию⁴ заслуженного профессора и академика И. В. Буяльского, всеми любимого и уважаемого».

На этом, собственно говоря, и оканчивается нашумевшее в свое время дело Пирогова и Булгарина. В суде Пирогову было отказано, после чего он подал в отставку, но начальству удалось уговорить его, и он остался в Академии.

Какие же напрашиваются выводы? Ясно, во-первых, что Булгарину кто-то помогал составлять фельетоны, ибо трудно предположить, чтобы он лично знал сочинения Белля и разбирался в работах Пирогова. Ясно, во-вторых, что центральной фигурой, из-за которой разгорелись вначале все споры, был Шицулинский. Известно, далее, что Шицулинский был женат на дочери Буяльского. И последнее, Булгарин много лет знал Буяльского, лечился у него и неоднократно восхвалял в своей газете.

Итак, все нити сходятся как будто к Шицулинскому и Буяльскому. И, вместе с тем, верить этому трудно,

¹ «С.-Петербургские ведомости», № 61, 1848.

² О. И. Сенковский был редактором журнала «Библиотека для чтения».

³ «Северная пчела», № 64, 1848 г. от 20 марта.

⁴ Имеется в виду «Краткая общая анатомия».

а тем более доказать. Трудно допустить, чтобы такой принципиальный человек, как Буяльский, на склоне лет изменил своим правилам жизни. Он, все время борющийся, как справедливо замечает Колосов,¹ за утверждение отечественной науки, вдруг из-за каких-то мелких, личных соображений стал бы выступать против престижа крупного русского ученого.

Никто из современников подобных подозрений в адрес Буяльского не бросал. Больше того, сам Пирогов никогда об этом не упоминал, и не только не винил, а наоборот, высоко ценил Буяльского, как одного из видных петербургских хирургов, «пользовавшегося заслуженною репутациею и в публике, и между врачами того времени».²

Повторяю, что доказать непосредственное участие Буяльского в этом деле так же трудно, как исключить.

Мне лично кажется, что скорее следует подозревать Шинулинского. Так или иначе, но тень все же легла на Буяльского...

Гений Пирогова настолько затмил талант Буяльского, что мы почти не располагаем исследованиями о деятельности последнего.

В то время как Пирогову посвящены едва ли ни сотни различных трудов, о Буяльском написаны только отдельные статьи. Вообще в работах по истории хирургии Буяльскому отводилось незаслуженно малое место. Больше того, в литературе были попытки представить Буяльского только как противника Пирогова, совершенно отбрасывая его исторические заслуги перед хирургией, его большую прогрессивную роль в развитии отечественной медицины.

Восемьдесят лет отделяют нас от смерти Буяльского. За это время наша хирургия, особенно после Великой Октябрьской Социалистической революции достигла небывалого расцвета.

---

¹ Г. А. Колосов. «К биографии и характеристике Н. И. Пирогова». Нов. хир. арх., № 4, 1933.

² Н. И. Пирогов. «Посмертные записки». Русская старина, т. 46, стр. 50, 1886.

Кроме Пирогова, она блистала такими именами, как Склифосовский, Вельяминов, Дьяконов, Субботин, Ратимов, Вреден, Разумовский, Греков, Мартинов, Федоров, Оппель, Бурденко, Герцен и др. Однако каждый из них в своей научно-практической деятельности в какой-то степени обязан Илье Буяльскому — первому русскому выдающемуся хирургу.

* * *

*Лицевая сторона медали,
выбитой в честь 50-летнего юбилея
врачебной деятельности Буяльского в 1864 г.*

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ
к книге „Илья Буяльский“.

<i>Страница</i>	<i>Строка сверху</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
14	14	употребить	употребит
114	7	учебных	ученых

~~Цена 4 р. 20 к.~~

Новая цена
3 р. 35 к.